

МАКСИМ
ЗЛОБИН

САША
ТОКСИК

СКУФ 2

МАГ НА ОТДЫХЕ

18+

Саша Токсик
Максим Злобин
Скуф. Маг на отдыхе 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73321323

SelfPub; 2026

Аннотация

Я самый сильный маг на планете.

Опора империи, страх врагам.

Побеждаю во всех войнах, а когда их нет – отдыхаю.

Так в какой момент моей жизни всё пошло не так?

Когда я согласился выполнить личную просьбу Императора?

Или когда ко мне в усадьбу прислали на практику целую толпу «альтушек»?

Кто такие «альтушки»? Как по мне, напасть, хуже любого монстра.

Магия, сиськи и энтузиазм при полном отсутствии мозгов.

А ещё их всё время кто-нибудь хочет убить...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	50
Глава 5	65
Глава 6	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Максим Злобин, Саша Токсик Скуф. Маг на отдыхе 2

Глава 1

Что ж...

Не знаю, кто придумал чушь о том, что врага почему-то нужно уважать... Ну то есть нужно, конечно, но только если враг того действительно достоин. По одному лишь праву вражды кого-то там уважать – такое себе.

У меня вот, например, грёбанные кроты во врагах записаны!

И что же мне теперь?

На «Вы» с ними надо?

Так вот. Кое-что имею сказать на этот счёт относительно охраны Ивановых-Нобелей: действительно, свой хлебушек с икоркой они ели не зазря. Справились бы альтушки без меня или не справились – большой вопрос, и вообще хрен его знает.

Это предмет для дискуссий, которые мы обязательно проведём чуть позже. Сперва выручим Ромашкину, а потом вернёмся домой, раскочегарим мангал, пивка холодненького от-

кроем, мне, разумеется, и как давай дискутировать до утра.

Ну а пока могу сказать лишь то, что ребята действительно оказались сильными и даже слегонца потрепали мне нервы. Не то чтобы опасность представляли. Щит мой даже их специфические патроны, больше похожие на снаряды, без проблем удерживал.

Другое дело, что от рикошетов он не спасал, как от повсеместных разрушений и обрушений.

В общем, охранники Нобелей сражались отчаянно, достойно и до самого конца. Таких бы молодчиков, да в нужное русло направить...

И куда только Владим-Саныч смотрит?

Ладно.

Особенно запомнилась бойня на двенадцатом этаже. После нашего эффектного появления ребята собрались с силами, перегруппировались и решили работать по кабинету кудрявого завхоза в полную силу.

Спойлер: у кабинета теперь нет стен. Ни одной. И даже пол местами провалился. Ветер на высоте гуляет ой-ой-ой какой, и в кабинет слетелись любопытные голуби, но зато виды теперь открываются просто чудесные.

Чуть ли не все семь холмов как на ладони.

Так...

Что ещё?

Приятно удивила Рита Смертина.

Эта хрупкая хрупкость – а иначе её в данном контексте

никак не назовёшь – в момент наивысшего напряжения начала воинственно орать и шмалять по охране из пулемёта. Не понимаю только, как её отдачей не снесло.

Несколько раз даже попала. Убить не убила, но из строя вывела.

И даже теперь, когда всё закончилось, Смерть не расставалась с пукалкой.

– Деточка, а не велика ли для тебя приспособа? – уточнил я, когда Рита упёрла пулемёт прикладом в землю, и оказалось, что ростом он почти с неё.

– Нет, Василий Иванович, в самый раз, – чуть смущаясь, ответила Смерть. – Если вы не против, я хотела бы оставить её себе.

– Трофей?

– Не совсем, – ответила Маргарита. – Дело в том, что некроманту очень трудно начать бой, понимаете? Не за что зацепиться, некого поднять. А с этим ружьём...

От слова «ружьё» я невольно хохотнул.

– ...с этим ружьём я буду чувствовать себя гораздо уверенней.

– Ну ладно, – кивнул я. – «Смертинское ружьё». Звучит!

Как говорится: чем бы некромант ни тешился, лишь бы не тобой...

Ну а теперь к главному! Дар Чертановой внезапно начал прогрессировать, да притом весьма быстро. Вот только каким-то очень странным, на мой взгляд, образом.

Криво и специфически.

— Не понимаю, как я это сделала, — пожала плечами Дольче, глядя на придурка в оранжевых кроссах. — Правда, не понимаю.

А тот, в свою очередь всё повторял:

— Каа-а-а-атенька, — и тянул руки к её груди. — Душа моя, светоч в моём оконце, голубка моя сизокрылая...

Очкастая рожа была настолько блаженной, что аж противно от неё становилось. Человек реально вёл себя, как пьяный, вот только язык у него при этом ни разу не заплетался, да и перегаром не пахло. Вот, наверное, что имеют в виду, когда говорят «захмелел от любви».

Вместо контроля кадет Дольче каким-то образом сумела его очаровать.

— Ка-а-а-атенька, — снова протянул завхоз, но вдруг резко переключился на меня. — Вы — отец Катеньки? Если так, то я настоятельно прошу у вас её руки! Мои намерения серьёзны!

— Как звать тебя, придурошный? — спросил я.

— Кеша вроде бы, — ответила Чертанова вместо придурочного.

— Ка-а-а-атенька! Ты наконец-то запомнила моё имя! — по щекам Кеши потекли слёзы умиления.

Н-да... Ситуация, конечно.

— Кеша?! — я несильно похлопал завхоза по щекам. — Кеша, ты тут?! Готов к сотрудничеству?!

— Только если вы благословите нас с Катенькой...

– Ну звиздец! – плеснула руками Чертанова. – Давайте лучше свернём ему шею, и дальше пусть Смерть допрашивает! Продуктивнее выйдет.

– А давайте, – Рита вскинула «ружьё» и прицелилась. Уж больно ей игруха новая понравилась.

– Так! – крикнул я. – Стоять! Группа «Альта», вы совсем ошизели?! Гражданских не трогаем и уж тем более не казним!

Ладно... Спишем на стресс и обстановку.

Чёрт с ним, с завхозом. Вряд ли он посвящён в мрачные тайны своей корпорации. Ну а в остальном ситуация следующая: все нужные данные из базы Ивановых-Нобелей мы получили, Чертанову выручили, так что пора бы и честь знать.

Уверен на все сто процентов, что высокопоставленная жопа Константина Оскаровича в столь ранний час не обретается в этом здании. И нужно поспешить к нему домой, пока слух про инцидент в офисе не достиг его садистских ушек.

– Алло, Ирин? – набрал я сестру. – Вы всё скачали?

– Добиваем, ещё минут пять...

Тут я глянул на рабочий стол Кеши – единственный уцелевший островок кабинета, который среди разрухи и обугленных стен смотрелся откровенно комично. Ну так... я же его специально прикрывал. Так что компьютер до сих пор работал и передавал данные.

– Отлично, – сказал я в трубку. – Посмотрите, есть ли адреса сотрудников или... не знаю даже, кто он. Акционеров?

Короче говоря, срочно нужен адрес Константина Оскаровича Иванова-Нобеля.

– Приняла, жди, – ответила сестра, деловито застучав по клавишам, – записывай! Проспект Столыпина, дом 17, этаж...

– Запиши, – поручил я Дольче, сам повторяя адрес вслух.

И тут голос подал Кеша:

– А он не там живёт, – сказал он будто бы между прочим, всё никак не в силах оторвать глаз от кадета Дольче.

– Так, – заинтересовался я. – А где же он тогда живёт?

– А не скажу.

Вот ведь!

С-с-с-сука какая!

Пьяный, очарованный, а кой-чего соображает! Даже под гнётом ментального воздействия умудряется выгораживать своё начальство!

– Дайте благословение нам с Катенькой, и тогда скажу.

А...

Понял...

Показалось.

– Хорошо, Кеша, – согласился я. – Вот только на это дело требуется ещё и благословение твоего непосредственного начальства. Мы для этой цели Константина Оскаровича и разыскиваем.

Девки на этот мой пассаж глаза вылупили, но Кеша мне поверил.

– Правда?

– Правда.

– Но я ведь уже женат, – Кеша задумчиво уставился на своё обручальное кольцо. – Это у меня что же теперь? Гарем, получается?

– Василий Иванович! – возмутилась Чертанова.

– Ну-ка цыц, – шикнул на неё и снова вернулся к завхозу. – Ну а теперь давай, рассказывай всё, что знаешь.

– Константин Оскарович живёт не по тому адресу, который указан в базе данных, – сказал Кеша. – Я-то зна-а-а-аю. Он ведь человек экономный, если не сказать «жадный». А на мне ведь всё снабжение!

Тут Кеша аж всхлипнул.

– Вот я ему иногда машинку за счёт фирмы и собираю. То покушать, то мебель какую, то ещё чего. Даже туалетную бумагу отправляю, представляете? А с меня ведь потом работники спрашивают. Где, мол, многослойная?! У нас, мол, эта рвётся, и пальцы потом все в...

– Понял, – кивнул я. – Давай без лирики и ближе к делу. Адрес знаешь?

– Знаю, – кивнул Кеша. – Записывайте...

– Нормально?! – крикнул я, когда пришлось тормознуть на красный.

– Нормально! – откликнулась сзади Чертанова.

Ирина со своим хакером задержалась у офисного здания, докачивая последние крохи файлов, а в барбухайке ехал Кеша. Всё-таки завхоз уже поделился с нами ценными сведениями, вдруг и дальше пригодится по случаю?

Это, во-первых.

А, во-вторых, не могу исключать такое, что он протрезвеет и начнёт звонить Оскаровичу, мол, так и так, тебя тут спрашивали. Руки в ноги, мол, жопу в руки и беги скорей, пока не взяли. И вот этого допустить совсем не хотелось бы.

Вот...

Но поскольку Кеша до сих пор находился под чарами, ехать вместе с ним Чертановой было бы просто невыносимо. Он и всех остальных-то уже успел задолбать рассказами о том, какая прекрасная жизнь ждёт их впереди, сколько у них будет детей и какие у них будут глаза.

– Я разведусь! – орал Кеша на всю улицу, когда мы запикивали его в барбухайку. – Если ты против полигамии, Катенька, то я разведусь завтра же! Обещаю!

Нет...

Конечно, можно было бы заставить Чертанову ехать вместе с ним в воспитательных целях. Но тут уж, если по правде говорить, воспитывать абсолютно не за что. Следует, наоборот, всячески поощрять.

Кадет Дольче сегодня проявила себя во всей красе, за что группе «Альта» начисляется ещё двадцать баллов на обу-

стройство жилища.

И надо бы уже придумать, сколько стоит один балл в переводе в рубли; Шестакова по этому поводу уж больно сильно переживает...

– Виу-виу-виу! – навстречу нам из-за угла выскочил целый кортеж из полицейских машин, скорых и подозрительных чёрных минивэнов без номеров, зато с глухим тонированием. Уверен, что внутри, как шпроты в банке, набиты орлы Гринёва.

Стало быть, будут аресты и обыски.

И в офисах, и на дому.

Не знаю, сколько Ивановых-Нобелей избежит наказания и почему – дальше дело не моё, пускай законники бодаются – но вот один точно не доживёт до завтра.

Так вот!

Пускай Гринёв рыщет, сколько хочет, но то место, в которое направил нас завхоз Кеша, нигде и никак не значится. А это значит что? А это значит, что мы как равнодушные граждане можем проявить инициативу и начать штурм самостоятельно, не оглядываясь на путающуюся под ногами «спецуру».

Остальное уже дело техники.

Главное сейчас – отбить у этих извращенцев Ромаху. И что-то мне подсказывает, что время пошло на секунды. Когда запахнет жареным, Оскарович может попытаться замести следы. Уничтожить, так сказать, улики, одной из которых

и является вверенный мне кадет Ромашкина.

Так что вперед!

– Держись крепче! – крикнул я Чертановой и нажал на газ...

Особняк, ети его мать.

Точная копия детского дома, вот только чуть побольше. Тот же шпиль, те же окна-бойницы, такое же вокруг всё мрачное и зловещее. Даже сосны вокруг как будто бы те же!

А, впрочем... возможно, что так оно и есть.

Недалеко Оскарович от приюта поселился; в том же самом лесном массиве на окраине Москвы дело происходит. Не удивлюсь, если и дорожка с места на место проложена, и ходик подземный имеется. Главное, чтобы им не успели воспользоваться.

Так что действовать мы будем быстро и решительно.

– Итак, кадеты, – я обвёл девок взглядом.

В последнее время мы пережили довольно много совместных штурмов и кое-чему научились. Например, не взрывать центральные ворота и не сигнализировать тем самым главгаду о том, что апостолы кармы уже пожаловали по его душу.

Так что на сей раз мы оставили транспорт снаружи, а сами обошли здание с фланга. Особняк окружал забор, мрачный и кованый, как и полагается. Вот только на некоторых столбах

висели не вписывающиеся в антураж видеокамеры.

– Погодите, Василий Иванович, – остановила меня шаманка, видя, что я уже примериваюсь, как их половчее сбить.

Она пальцем нарисовала в воздухе две светящиеся руны и толкнула их в сторону камер. Те медленно, словно облачка поплыли в нужном направлении. Техника щёлкнула, заискрила и печально поникла к земле объективами.

– Короткое замыкание, – пояснила Шестакова, – охрана, конечно, хватится. Но пока сюда никто не пришёл, несколько минут у нас есть.

Полезный у неё дар, очень полезный.

Так что мы, не теряя времени, перемахнули через забор. Чуть не спалились, правда, когда Смерть навернула с высоты своё ружьё, но «чуть» не считается.

Второго ряда заграждений было не видеть, да и площадь самого поместья не такая большая, как у Кочеткова. До главного здания не больше пяти минут прогулочным шагом.

В целом, всё понятно.

Зашли и вышли.

– Командиром отряда на сегодняшнюю операцию назначается кадет Дольче...

– Чего?! – громче всех возмутилась сама Чертанова.

– Попробуй, – настоял я.

В моих же интересах, чтобы девки приобретали разный опыт.

Так и прокачка быстрее будет, и толку от неё больше, и

добрые воспоминания о старике Скуфе останутся. Тем более что сегодня она проявила себя хорошо, вот пусть действует на кураже.

– Итак, – продолжил я. – Действуем как можно тише и аккуратней. Чем дольше враг не будет знать о нашем присутствии, тем лучше. С другой стороны, если начнётся пальба, об осторожности забываем и лосем проносимся по всему особняку, нигде и ни для чего не задерживаясь.

На самом деле хватило бы простого: «Действуем по обстоятельствам», – но в таком случае вероятность перехода операции в статус «Цирк с конями» кратно повышается. Так что с меня не убудет разжевать всё лишний раз.

– У нас две цели. Первая – кадет Ромашка. Будем надеяться, что она здесь. Вторая – Константин Оскарович Иванов-Нобель. Это на случай, если Ромашка не здесь, и его придётся допрашивать. Как он выглядит, я не знаю, поэтому всех взрослых мужиков с претензией на аристократическое табло убиваем максимально аккуратно. Так, чтобы кадету Смерть было с чем работать. Всем всё понятно?

Как оказалось, всем всё понятно.

С тем мы рассредоточились и порысили в сторону цели. А впереди уже замаячили фигуры охранников, патрулирующих особняк...

«Нет повести печальнее на свете», – думал Ваня Хельсин, ощущая первые звоночки того, что препарат попал в кровь и начал работать.

– Печальнее и инфантильнее, – добавил он вслух, стиснув зубы.

Ну правда ведь!

Что за мораль зашита в этих Шекспировских соплях? Если весь мир ополчился против тебя и твоей возлюбленной, ложитесь и помирайте? Так, что ли? Поддаться слабости? Добровольно отдать своё? Сдаться без боя?

– Да хер там плавал, – от нестерпимого жжения Хельсин сжал кулаки.

Если весь мир ополчился против него и его возлюбленной, то это проблема мира. И если он, мир то есть, хорошо-нечко не подумает над своим поведением, то вскорости ему придётся полыхать в огне.

– А-а-а-аа-ааа! – заорал Ваня, ужом извиваясь на простынях рядом со спящей Ромашкиной.

И, наверное, стоит объяснить, в чём тут дело...

Так уж вышло, что Хельсин не мог похвастаться сильным магическим даром. Так-себе-физик с перспективой развития в мага земли, волшебба почему-то давалась ему с огромным трудом. Работоспособности, целеустремлённости и упорства Ване было не занимать, но... вот тут, как говорится, вот так.

Не срослось.

А поскольку работа Хельсина была связана с уничтожением монстров и, мягко говоря, опасна, то ему просто необходимо было усиление.

И именно по этой причине Константин Оскарович вместе с фармацевтами Ивановых-Нобелей разработали специально для него это хитрое снадобье, которое временно усиливало его магический дар. Препарат был засекречен, дорог, очень сложен в производстве и лимитирован, но что только не сделаешь для своего лучшего агента, верно?

– Ы-ы-ы-ы-ы, – завыл Ваня, в последний раз резко дёрнулся и расслабился. – У-у-у-уф...

Препарат начал своё действие.

Мир вокруг тотчас заиграл красками.

И мана щедрыми потоками заструилась по энергоканалам, и земля в цветочном горшке с радостью отозвалась его воле. И даже меч – пускай и серебряный – ощущался в пространстве как часть собственного тела. Пускай и чутка онемевшая часть, но всё-таки...

– Отлично.

Иван Хельсин встал с кровати.

– Привет, ребят, – Хельсин по-свойски поздоровался и пожал руки привратникам.

Этих мужиков он знал очень хорошо. Такие же бывшие

воспитанники приюта. И такие же охотники на монстров, как и он сам. Очень жаль будет, если придётся схлестнуться с ними в бою, но что уж поделать? Для себя Ваня уже всё решил.

– Мне нужно поговорить с Константином Оскаровичем...

Глава 2

«Спеши не спеша» – не помню, кто это сказал, но явно кто-то умный. Возможно даже, что я.

Так вот...

Сперва мы с альтушками обошли кустами всё поместье вокруг, чтобы чётко понимать локацию, в которой вот-вот начнётся заваруха. Дольче так вдохновилась своим назначением в качестве командира, что даже додумалась насёрфить в сети спутниковый снимок поместья.

Чай, объект самый обычный, не засекреченный, а значит, информация о нём в свободном доступе.

Так вот.

Дано:

На всей территории всего два здания. Гараж и трёхэтажный особняк. Гараж нас заинтересует чуть позже, когда начнём дербанить лут, ну а сейчас к особняку. Три входа. Непосредственно парадный – богатое мрачное крыльцо. Задний – двойные двери для прислуги. К нему вела подъездная дорожка, и рядом же расположилась уличная парковка явно не для хозяйского транспорта. Именно отсюда нам рекомендовал зайти влюблённый Кеша перед тем, как мы зафиксировали его в пространстве ремнями.

Ну и третий ещё, боковой вход.

Декоративная хлипкая дверь в небольшую зону отдыха с

беседкой. Видимо, для выйти покурить.

Всё, собственно говоря. Оскарович своей страстью к средневековой готике сам себя загнал в ловушку. Щемануться наружу через окно просто невозможно. Ну... если только ты не Рита Смертина. Обычный мужик среднего телосложения просто-напросто застрянет.

Никакие сады по участку не разбиты, и вокруг царило неухоженное буйство природы, как оно есть. Так что время подхода из кустов к любому входу – несколько секунд.

Охрана есть.

Патруль из трёх человек, двое на центральных дверях, и одинокий бедолага чалится в беседке. Уверен, что это далеко не всё, но снаружи видно только это.

И патруль, кстати, уже всё. Не знаю, кем они были, но судя по тому, что помимо огнестрела ребята таскали с собой холодное оружие, матёрые маги-физики. Альтушек я привлекать не стал и убрал их самостоятельно.

Быстро и без лишнего шума.

– Итак, – теперь, когда план дома был худо-бедно понятен, настала пора делить роли. – Я пойду через центральный. Шама и Смерть – через боковой, из садика... и, кстати! Рита! Спрячь где-нибудь своё ружьё, потом подберёшь. А для начала возьми с собой... Вон этого, – я кивнул на одного из патрульных, ноги которого торчали из куста спелой бояры.

– Поняла, – кивнула Смерть, и ноги тут же зашевелились.

– Остальные, – продолжил я, – через задний. Людей в

поварских колпаках и прочей спецодежде не трогаем, если только они сами настоятельно не попросят. Всех остальных в расход. Зуб даю, что внутри должен быть холл с двойной лестницей наверх. Вот у неё-то мы и встречаемся. Отрежем гадам путь к отступлению, а дальше по обстоятельствам. Всем всё понятно?

Оказалось, что всем всё понятно.

Девки разбежались кто куда, ну а я благородной рысью поспешил к парадному входу. Не спеша поспешил, ага. Надо бы записать, пока не забыл, а то вдруг когда-нибудь на мемуары решусь? В качестве эпиграфа подойдёт прям идеально...

– Мне надо поговорить с Константином Оскаровичем.

Само собой, комьюнити охотников на монстров было небольшим, и все слухи разлетались моментально. Вот и охранники на дверях уже давно были в курсе, что Ванечка стал малость нестабильным. Сначала поступило официальное предупреждение, мол, если соратник на связь с кем выйдет, то общение с ним поддерживать, но сразу же оповестить об этом начальство.

Такое случалось и раньше, и ничего хорошего агентам, в чей адрес поступали подобные рекомендации, не сулило.

Ну а дальше слухи поползли, один другого интереснее.

Взял в плен оборотня, пропал и решал какие-то там про-

блемки. Мутная история, с какой стороны ни подступись.

А потому нужно держать ухо востро.

Гитарный чехол в руке у Вани тоже доверия не добавлял. Склонности к музицированию у воспитанников Нобеля не наблюдалось. Ни у кого.

– Один? – спросил охранник и кивнул на Ванин фургончик, дерзко припаркованный на дороге у центрального входа в особняк.

– Один, – ответил Хельсин.

– М-м-м, – многозначительно покачал головой охранник, сделал шаг к двери, разрывая дистанцию, и взялся за рацию. – Витя, передай Константину Оскаровичу, что к нему тут...

Договорить не успел.

По мановению руки Хельсина, серый кирпич внезапно выскочил из домовой кладки и проломил бедолаге голову. А вот со вторым охранником пришлось повозиться.

Гоша Стробоскоп – так звали этого тридцатилетнего мужичка и в глаза, и за глаза. А всё потому, что Гоша умудрился развить в себе довольно редкий дар контроля электричества – не путать с молниями – и пользовал его при каждом удобном случае.

Вот и сейчас Хельсину пришлось попрыгать по крыльцу, уклоняясь от разрядов тока. Но, в конце концов, Гоше прямо в грудь прилетел кусок балюстрады, и бой был закончен.

Точнее, первый бой.

Впереди Ваню ждала ещё целая куча противников, и он прекрасно об этом знал. Положил чехол на крыльцо, Хельсин отщёлкнул застёжки и достал меч.

— Н-да, — сказал он, пальцем проверяя лезвие на остроту. — Не думал я, что тебе предстоит хлебнуть человеческой кровушки, — и зашёл в особняк...

Сперва я услышал какой-то треск и грохот, а теперь вот, стою и смотрю на раскуроченное крыльцо и трупы. И всё понять не могу — по плану всё идёт или вообще не по плану...

По ходу дела мы столкнулись с классическим примером жабогадюкинга. Но только не буквального — как тогда, во время закрытия трещины — а самого что ни на есть метафорического.

Жили-были в мире и согласии два говна, но вот одно говно угодило в немилость к Его Величеству, и теперь второе говно забыло бывшее и спешит прикончить первое, пока оно — первое то есть — не заговорило и не потянуло его с собой прямым ходом на социальное дно...

Во-о-о-от...

Что-то меня сегодня от мыслей мудрых прямо распирает. Молвлю как боженька. Надо бы кнопочным диктофоном обзавестись, что ли? Как вернёмся, обязательно попрошу Кузьмича заказать.

Ну да ладно, это всё потом. Ну а сейчас на штурм!

– Уьуьуьу! – на всякий случай грозно закричал я и во-
рвался в открытые настежь двери, а внутри...

– Здравствуйте, Василий Иванович.

А внутри, на первых ступенях двойной лестницы – уга-
дал! – уже стояли оба отряда альтушек.

– Ы-ы-ы-ы, – сипло выдохнул зомби Смертиной и пома-
хал мне рукой.

– А что, собственно говоря, происходит?

– Мы не знаем, – пожала плечами кадет Стеклова. – Но
с сопротивлением мы не столкнулись. Дом как будто бы пу-
стой.

И тут...

– Бах! – громынуло сверху так, что аж с потолка побелка
посыпалась. Похоже, там вовсю идёт добрая заваруха.

Что ж. Прикинем логически. Оскарович, наверняка, си-
дит на третьем этаже, потому как ни один начальник не поз-
волит кому-то там жить выше себя. С другой стороны, плен-
ники всегда и повсеместно сидят в подвалах, подполах и под-
земельях.

– Рита! Просканируй-ка дом. У нас под ногами есть мёрт-
вые?

Смерть ненадолго замерла, концентрируясь.

– Есть, – наконец, ответила она, широко распахнув гла-
за. – И много. Очень много. По правде говоря, мне даже как-
то нехорошо от такого количества...

– Ромашка среди них есть? – спросил я, не до конца уверенный хочу ли знать ответ. Однако:

– Нет, – к радости всех собравшихся мотнула головой Смерть. – Ромашку я не чувствую.

– Отлично! Тогда поднимай всех, кого сможешь, – командовал я. – Прямо вот по максимуму. Пускай создают врагам веселье. А сами ищите проход вниз и попробуйте отыскать Ромашку там. Ну а я наверх, пойду посмотрю, что там творится. И всё! – прикрикнул я на Дольче, которая хотела было что-то сказать. – Без споров! Погнали!

Если я угадал, и один Иванов-Нобель пошёл против другого Иванова-Нобеля, то мне надо его опередить. На всякий случай. Всё-таки Оскаровича мне нужно взять живым...

Сеня Черепанов, толстяк Антон по прозвищу «Кабан», Лёха, Ярик, Витя и Оля – одна из самых талантливых магов воды, которых только доводилось встречать Хельсину...

Он не просто знал имена всех этих людей, он знал их историю, привычки, повадки и вкусы. С некоторыми он рос, с некоторыми работал. Казалось бы, от этого должно было быть тяжелее, однако нет.

Никаких сомнений.

Никаких колебаний.

В конце концов, они бы прикончили его по первой же

просьбе Учителя.

Методично прорубаясь сквозь ряды бывших коллег, Ваня Хельсин двигался к цели. Неумолимо и нахраписто. И сам дом ему в этом помогал. Когда бы ни такое обилие камня вокруг, то, возможно, его бы и остановили, но не сейчас.

Сейчас каждый камушек, каждый кирпичик, каждая гипсовая балясина сражались на его стороне. В напарниках у Хельсина были стены, пол и потолок. Фехтовать в таких условиях – одно удовольствие. Противник уж больно часто оступается...

Но чем дальше, тем сложнее.

– Ды-ды-дых! – чтобы заблокировать удар Сени Носорогова, некоторые сироты сами придумывали себе фамилии, Хельсину пришлось затеять в особняке неожиданную перепланировку и подвинуть стену.

Стена, впрочем, разлетелась вдребезги.

Сеня и сам по себе был мощным товарищем, а сейчас у него за спиной стояли два баффера. А теперь один. А теперь не стоят. Внезапная атака летающей мраморной плитки по очереди сбрила им головы.

– Хельсин! – зарычал ослабевший, но всё ещё опасный Носорогов. – Ты – придурок, Хельсин! Что ты вообще творишь?!

Отвечать Ваня не стал.

Всё-таки не за разговорами сюда явился.

Вместо этого он попёр в атаку, размахивая серебряным

мечом. Взмах, другой, и вот непрошибаемый Сеня начал пятиться назад. Ну вот и всё, стало быть. Пол под его ногами внезапно провалился, и Сеня застрял в дыре.

Ну а дальше дело техники.

Вытерев с лица кровь, Хельсин пошёл дальше. Наверняка, Учитель уже ждёт его...

Ох, едрить туда-сюда!

Трупы, трупы, трупы!

Не знаю, что за персонаж тут прошёлся, но если попробовать предположить, то я бы сказал, что это матёрый маг земли. После такого влажной уборкой не отделаешься, тут капитальный ремонт устраивать нужно.

Итак, третий этаж!

Я почти на месте!

Направо коридор с кучей комнат по обеим сторонам – как будто гостиничные номера – а вот налево, снова грёбаная разруха и трупы. И одна лишь единственная дверь в конце коридора. Ставлю годовое жалование Кузьмича, что главгад сидит именно там.

Успеть бы только его застать...

Ладно.

Взбодрив конечности, я рванул вперёд...

Тем временем в обширных подвальных помещениях особняка Константина Оскаровича Иванова-Нобеля творилось нечто невообразимое. Почти как у классика: «трупы оживали, землю разрывали». Ну а «почти» потому, что разрывали они вовсе не землю, а команду медиков.

Да-да-да, все те видеозаписи с кадрами бесчеловечных экспериментов были сделаны здесь.

Морг, операционная, несколько лабораторий, камеры заключения и морозильный ларь размером с комнату, набитый всевозможной расчленёнкой – всё это находилось именно тут.

И пусть Василий Иванович говорил о том, что гражданских трогать нельзя, тут уж группа «Альта» не удержалась. Девушки были на все сто процентов уверены, что, если бы Скуф своими собственными глазами увидел то же самое, что видят сейчас они, то он бы и сам расправился со всеми этими живодёрами.

– Уроды, – сказала Фонвизина и сорвала ключ-карту с пояса одного из медиков, не дожидаясь, пока зомби Смертиной дожует его лицо.

Пока другие альтушки вершили высшее правосудие в рабочих помещениях, Ольга Сергеевна решила, что в её услугах здесь никто не нуждается... ну... они же всё-таки медики, вот пусть и лечатся самостоятельно.

Ну а она пока суть да дело, она решила поискать Ромашкину. И искать её она вполне ожидаемо решила за дверью с надписью «КАРЦЕР».

Ключ-карта подошла сразу же, зажётся зелёный огонёк, и замок отщёлкнул.

Её Сиятельство зашла в длинный коридор и двинулась вдоль решёток. Большая часть камер была пуста, но в некоторых сидели, забившись в угол, удивительные твари, о которых Фонвизина раньше даже не слышала.

Девочка-дриада с огромными изумрудными глазами, какая-то странная девушка с синей кожей, псоглавица, девушка-змея и...

Да...

Странновато даже с первого взгляда. Все заточённые здесь монстры были, во-первых, женского пола, а, во-вторых, антропоморфны.

– Ублюдки, – рявкнула Фонвизина, сделав определённые выводы, и двинулась дальше, рассматривая пленниц.

Вот только Ромашки среди них так и не оказалось...

Залетев в комнату, Хельсин чуть было не споткнулся о кицунэ.

Очень редкая для Российской Империи девушка с лисьиными ушами и хвостом, которую он лично доставил Констан-

тину Оskarовичу несколько месяцев тому назад, лежала на полу и смотрела на него умоляющим взглядом.

Совершенно голая, если не считать ошейник и... страшнейшие кровоподтёки по всему телу.

Ваня моментально сложил два и два. Он сразу же воссоздал у себя в голове жуткие сцены того, что только что могло здесь происходить. И первобытный ужас кольнул его в тот момент, когда он представил, что на месте кичунэ могла бы быть Юленька Ромашкина.

– Так это ты?! – взревел Оskarович.

Иванов-Нобель стоял посередь своего кабинета, уже готовый к бою. Хотя... закатать рукава белой рубашки – вот и все необходимые приготовления для мага его специализации. Да и те необязательны.

– Зачем?! – крикнул Учитель на своего ученика.

– Потому что! – Хельсин мотнул головой на избитую кичунэ.

– Серьёзно?!

– Серьёзно!

Да, диалог получался не совсем эпичным, однако подстрочного текста в каждой фразе было более чем достаточно.

– Ты – больной ублюдок!

– Ах-ха-ха-ха! – не сдержался от смеха Константин Оskarович. – Ну... ублюдок здесь только ты. Да и про «больного», уж чья бы корова мычала, верно? Недоделок, который вынужден глотать лекарства, чтобы хоть как-то дотягивать

до уровня нормального мага...

С тем Иванов-Нобель показушно расслабился и присел в кресло.

– Вань, ну ты серьёзно? Нет! – Оскарович театрально выставил руки ладонями вперёд. – Ты только не подумай, что я сейчас буду врать тебе о том, что если ты покаешься, то мы друг друга простим и заживём как раньше. Я тебя обязательно убью. И за твою дерзость, и за всё то, что ты уже успел натворить. Но сперва... слушай, мне действительно очень интересно узнать, с какого такого ты решил встать на сторону монстров? Они же...

Тут Иванов-Нобель скривился так, будто речь зашла о подростковых прыщах или забитом волосами сливе.

– Они же монстры.

Учитель решил поговорить. Учитель хочет что-то там узнать про мотивы ученика. Учитель собирается поиграться с ним, как кошка с мышкой. Так вот Хельсин не доставит ему такого удовольствия.

Даже напоследок.

– Да пошёл ты нахер! – крикнул Ваня и рванул вперёд, но тут же: – А-а-а-айыыыйй...

Тут же невыносимая боль сдавила виски так, что Хельсин даже меч удержать не смог. Зажмурившись, он упал перед Учителем на колени.

А Учитель тем временем даже не шелохнулся. С эдакой меланхолией на лице он любовался фиолетовыми язычками

маны на ладони и всё так же спокойно сидел в кресле.

– Вань, – сказал он. – Не уверен, что ты сейчас способен воспринимать информацию, и уж тем более отвечать на вопросы, но тем не менее спрошу...

– АА-ААА!!! – головная болькратно усилилась. Каждая клеточка мозга Хельсина сейчас билась в своей персональной агонии.

– ...ну неужели ты думал, что я не представлял себе расклад, при котором сиротки решат взбунтоваться и попереть на большого дядю? Неужели ты думал, что я буду держать дома толпу головорезов и никак не подготовлюсь?

– АААААА!!!

– Ну ла-а-а-адно, – улыбнулся Константин Оскарович. – Так и быть, расскажу. Раз уж ты всё равно не жилец, то пусть тебе хоть под конец будет приятно услышать, что никакой ты не больной. То лекарство, которое тебя якобы усиливает, – слово «усиливает» Учитель взял в отвратительные ироничные кавычки. – Оно на самом деле просто нейтрализует действие витаминок, которые ты пьёшь каждый день. Которые все вы пьёте каждый день.

– АА-АААА-ААА!!!

– А вот с витаминками, Вань, там всё посложнее. Куча побочек; ты даже не представляешь себе сколько. Повышенная чувствительность к ментальному воздействию, например...

– АААААЙ-ЫЙ-ТВОЮ-МААААА-ААТЬ!

– Да не ори ты, – нахмурился Константин Оскарович. –

Ладно. Собеседник из тебя всё равно никакой, так что хватит уже. Пока, Вань. За службу не благодарю.

Учитель резко сжал кулак, и вместе с этим Хельсин рухнул на пол.

Глава 3

Забегаю я, значит, в дверь и спрашиваю:

– Оскарыч?

А он мне:

– Константин Оскарович Иванов-Нобель, – поправил, тира, говнюк заносчивый и тут же с кресла вскочил. – А ты кто?!

– В пальто...

Тут я почувствовал лёгкую щекотку где-то за глазами. Этот хмырь явно кастовал что-то головоломное да притом весьма сильное, раз даже меня пробрало.

– Не балуй мне тут, Оскарыч, – предупредил я и шлёпнул его по ментальным щупальцам так, что бедняга аж в лице поменялся.

– Как ты... – проблеял он, но у меня времени на реверансы не было.

– Юлия Юрьевна Ромашкина, – спросил я, слегка чтобы не повредить, встряхивая Нобеля за грудки. – Оборотень и член вверенной мне группы «Альта». Где она?

– Ах-ха-ха-ха! – нагло рассмеялся хмырь. – Не имею понятия, где находится ваш оборотень!

– Не юли, – пригрозил я. – Все уже в курсе твоих дел, и, что приказы отдавал ты, тоже известно. Так что будет всё быстро и по-хорошему, или медленно и по-плохому.

– Вот единственный человек, который об этом знал, – Оскарович указал на полностью седого, но при этом молодого парня, валяющегося в неосознанке посередине комнаты. – Он уже никому ничего не расскажет!

«Это мы ещё посмотрим, – подумалось мне. – Есть у меня один человечек, который с мёртвыми только так добазариться умеет». Ну а большего мне, собственно говоря, и не надо. Как собеседник Константин Оскарович мне сразу же не понравился, да и как человек – говно.

– Тем хуже для тебя, – сказал я. – Зря веселишься, раз так, то у меня нет никаких причин оставлять тебя, падаль такую, в живых.

– Ах-ха-ха-ха-ха!

И снова ржёт. Вот прямо каноничный водевильный злодей, только усиков и цилиндра не хватает. Ну и грома с молнией за окном ещё, само собой.

Вот что он такой весёлый, непонятно.

– Я – подданный шведской короны! – заорал Иванов-Нобель. – Меня нельзя трогать! Это дипломатический скан...

Вот это он точно зря сказал. Если до того я ещё обдумывал варианты сдать его Гринёву, на предмет долгой и вдумчивой беседы, то теперь определился. Слишком велик шанс, что эта гнида выкрутится.

«В жопу», – решил я и сжал Оскарыча силовым полем сразу же со всех сторон, так что он лопнул будто перепивший крови клещ. Сколько я подобных речей за жизнь переслушал

– не сосчитать. Уверен, что от этого хмыря уж точно ничего нового не услышу.

Итак...

Надо бы, наверное, осмотреться.

Судя по убранству кабинета, можно в очередной раз сделать вывод о том, что его хозяин – злодей. Одна люстра чего стоит. Здоровая такая, мрачная. Такая... антагонистическая.

– Антагонистическая люстра, – отправил я голосовое сообщение Кузьмичу, пока не забыл; идея с мемуарами всё никак не отпускала.

И почти тут же я уловил какое-то шевеление в углу, глянул, а там...

Ядрёна мать...

Девчушка с лисьими ушами, не помню, как их таких называют, из последних сил ползла в сторону выхода. А на самой живой места нет, и ноги явно что перебиты. Лечить я толком не умею – из сырой магии так себе терапия – но вот насколько мог, настолько помог.

Надеюсь, что хотя бы чуточку обезболил.

Лиса, кажется, поняла, что я ей не враг и перестала уползать. Свернулась клубком, насколько это вообще было возможно, и замерла.

Ну а я тем временем пошёл проверить седого. Лежал мужик на животе, лицом вниз, но я уже безо всяких шрамов понял, что это и есть тот самый сантехник, который умыкнул Ромаху. Правда, вот рядом с ним валялся не разводной

ключ и не вантуз, а восхитительной работы полуторный меч. Весь в крови изгваздан, но всё равно видно, что как будто бы посеребрённый. Дорогая игрушка, да к тому же мощная.

Подошёл, ногой перекатил Ваню на спину.

Реакции – ноль.

– Василий Иванович! – раздался крик из коридора. – Василий Иванович, Ромашки нигде нет!

А вот и девки, стало быть, подоспели. А то, что они Ромашкину не нашли, так, может, оно теперь даже к лучшему.

– Фонвизина! – с порога я указал целительнице на лису. – Займись!

– Ага, – кивнула Ольга и безо всякого удивления и уточняющих вопросов принялась за дело; по всей видимости, в казематах Оskarовича девки уже насмотрелись на всякое.

– Это он! – заорала Дольче, заметив труп седого. – Это Ваня этот! Это он Ромашку украл, сволочь!

Она ещё Ваню ногой пнуть собралась, но в последний момент удержалась.

– Я так и понял. Смерть?

– Да, Василий Иванович?

– Товарищ достаточно цел для допроса?

– Вполне.

Рита подошла поближе, присела над телом на корточки и преобразилась в бледную черноглазую ведьму. Как будто бы разом постарела лет так-эдак на пятьдесят. Посидела так, поморщилась, потом вернулась к нормальному облику и ска-

зала:

– Не могу.

А на мой немой вопрос добавила:

– Живой ещё.

Ну нихрена себе. Я ж проверил его, но ни дыхания, ни пульса не обнаружил. Однако, спорить в таких делах с некромантом бессмысленно. Что несколько осложняет нашу задачу.

Или нет...

– Так мы это сейчас поправим, – Чертанова сурово топала к телу сантехника и встала ногой ему на глотку.

Я не возражал ни разу. Мне результат нужен и сведения насчёт моей пропавшей подчинённой. А как я их получу, уже дело десятое. Тем более, что благодаря талантам Риты Смертиной мёртвые гораздо сговорчивей, чем живые, получают-ся.

Седой Ваня начал задыхаться. Дёрнулся раз, дёрнулся второй, и тут:

– Что вы делаете?! – раздался крик у меня за спиной.

Обернувшись, я увидел, что в дверях стоит лохматая, перепуганная, но абсолютно целая и невредимая Юля Ромашкина.

– Ванечка! – девушка бросилась к седому...

А дело было так:

Некий охотник на монстров Иван Хельсин, которого покойный Оскарыч вырастил в информационном пузыре и с развесистой лапшой на ушах, на волне эмоций и переоценки мироздания включил голову и научился думать самостоятельно.

Сложил два и два и понял наконец-таки, что его используют не в самых благородных целях.

Катализатором к переменам, как нетрудно догадаться, были Ромашкина и вспыхнувшие к ней романтические чувства.

История прям как по учебнику драматургии.

Охотник на монстров влюбился в оборотнессу. Ну и чтобы защитить её попёр против своих же. Точнее, даже не так... сперва не попёр. Сперва он решил увезти Ромашкину туда, где галька и дельфины, и под знойным солнцем шумят кипарисы, и ветер с моря качает связки разноцветных чурчхел.

Короче говоря, решил свалить на юга и там начать жизнь заново. Но поскольку не знал, как на это отреагирует сама Ромашкина, до поры до времени накачал её снотворным. Чтобы уже на месте всё объяснить и перед фактом поставить. Романтично? Как по мне, так что-то не очень, но у девок свои понятия о романтике.

Так вот...

Фургончик Хельсина уже направлялся на юг, но тут он решил всё немножечко переиграть. Подумал и понял, что от

своего начальства ему не так-то просто скрыться и что Константин Оскарович свой актив добровольно не отпустит.

Ну и решил обратиться к радикальным мерам.

Решил зачистить за собой хвосты. Ну и при этом легонечко объяснить бывшему боссу, что тот был кругом неправ. Но всё пошло слегка не по плану.

Ваня огрѐб от своего Учителя, потом в буквальном смысле слов попал под каблук Дольче и чуть не помер окончательно. И когда бы Ромашка не очнулась в фургоне и не рванула по запаху за своим Ванечкой, получилась бы у нас слезливая стеклянная трагедия.

Откуда я всё это знаю?

Да вот сам Хельсин мне об этом и рассказал.

– Как думаете, Василий Иванович, что теперь со мной будет? Посадят?

– Без понятия, – честно ответил я. – Я ж не полицейский. Я вообще, по сути, мимо проходил.

Сейчас мы сидели в беседке возле дома и ждали людей Гринёва.

Время уже было к вечеру. С каждым днём темнело всё быстрее, и после всех сегодняшних треволнений чертовски хотелось домой, но нужно было передать все дела. Свалить по-английски не позволяли ни совесть, ни здравый смысл.

За влюблённого охотника на монстров перед «тайником» я словечко уже замолвил, мол, так и так, дел он, конечно, наворотил немало, но насчёт вины ещё разбираться и разби-

ратся.

Всё-таки...

Мозги ему промывали? Промывали. Втёмную использовали? Использовали. Доказательства тому есть? Есть. Против своего работодателя-ублюдка он в итоге пошёл, как только в голове прояснилось? Пошёл.

Ну и вот, значит.

Будь я присяжным, отпустил бы на все четыре стороны.

Да и парнишка-то, надо сказать, талантливый. Хотя бы судя по тому, как он раскурочил дом и в одну каску прорубился до Оskarовича. Да и вменяемый вроде бы. Сидит же вот напротив меня, разговоры разговаривает, водичкой отпивается, и на нормальных людей даже не думает кидаться.

Так что-о-о... как знать?

Может, и осядет у Гринёва в агентах. Все нужные навыки на лицо. Ромашку ведь умудрился спрятать так, что не найти, да и сам вместе с ней схоронился. Девкам опять-таки нравится, а значит, харизматичный.

Так что, на мой взгляд, такой ценный кадр вполне может послужить Империи. Причём не только на лесоповале, но и в контрразведке, например.

Или ещё где.

– Ты главное Гринёву не дерзи, – сказал я. – Он с виду мужик мягкий, но на самом деле тот ещё волчара.

– Так а... с чего бы мне ему дерзить? – спросил Ваня, прихлёбывая из бутылки.

– Да кто ж тебя знает? Ты прошлого работодателя вообще чуть не угандошил... О! – в этот момент моё ухо уловило вой сирен. – Ну наконец-то! Наши едут.

И спустя уже десять минут канцелярские оцепили особняк.

До разбирательств на Ваню сразу же нацепили наручники. Вот только зачем, не совсем понимаю. Для мага земли его уровня кусочек металла на руках не препятствие, а скорее дополнительное оружие... ну да хрен с ним.

Им там виднее.

Затем случилась душераздирающая сцена прощания Хельсина с Ромашкой.

Юля ревела и пыталась продрасть сквозь сотрудников к своему возлюбленному, а тот со скупой мужской на глазах уверял её, что всё будет хорошо и они ещё обязательно встретятся, и обязательно доедут до моря, и долго-счастливо доживут.

Как по мне, без проблем. Флаг в руки, барабан на шею, ветер в спину и перо в зад.

Но только после окончания практики!

– Ванечка, – крайний раз всхлипнула Ромаха и уткнулась в утешительное декольте Дольче. Ну а та в ответ обняла подругу, начала гладить её по голове и шептать что-то ободряющее. А ведь чуть не посрались там, в караоке – краем глаза-то я за этими двумя ещё тогда присматривал. Не поймёшь их, этих женщин.

Вот...

Ну а остальные девки собрались вокруг меня и явно чего-то хотят.

Хм-м-м...

– Вам речь толкнуть, что ли? – уточнил я на всякий случай. – Я могу, – но ответ получил отрицательный.

– Я там в холле видела часы с кукушкой, – сказала Шама. – Дорогие, наверное...

Ах, вот оно чего! Барышни изволят особняк выхлопать. Что ж.

К моему превеликому сожалению, пришлось их немножечко обломать.

С лутом на сей раз ситуация вышла странная. Ну... если разбираться де-юре. Ведь войной аристократических родов дело не назовёшь, а потому номинально я никого не побеждал и прав на добычу не имею. Плюс ко всему особняк оформлен хрен знает на кого, и с этим ещё предстоит разбираться Канцелярии.

И плюс ко всему, если бы всё это отошло мне, то и судьбой монстров из подвала пришлось бы заниматься тоже мне.

А я не хочу.

Вот прямо совсем не хочу!

Мне и своих проблемных девок с головой хватает, чтобы ещё чужих набирать. Так что пускай Гринёв сам расхлебывает, раз проворонил у себя под носом грёбаный концлагерь.

Однако не уйдём же мы отсюда с пустыми руками, вер-

но? Верно. Возвращаться в особняк откровенно не хотелось – думаю, что Шестакова вполне перебыёт без часов с кукушкой и остальные мне за это лишь «спасибо» скажут, – но ведь помимо особняка на территории Оскаровича был...

– Гараж, – сказал я. – Кадеты, поздравляю вас. Сегодня мы залуем вражеский гараж.

Никогда ещё раньше Шама не дарила мне такую добрую и искреннюю улыбку – как будто в моём лице она увидела витрину с щенятами или что-то около того. Да и остальные приободрились. Ведь де-юре оно и есть де-юре, а де-факто девок надо поощрить.

И думаю, что Гринёв не будет против, если мы чем-нибудь интересным поживимся. Ну а если будет, то пусть в жопу идёт...

И так опять за него всю работу делаем.

В нос ударил ни с чем несравнимый запах автосалона. Не мастерской, и именно салона – то был манящий запах новизны.

Я уже представил себе коллекцию спорткаров или каких-нибудь богатых представительских авто, нашарил на стене выключатель, врубил свет и... немножечко даже потерялся. Первые несколько секунд вообще не мог понять, что происходит.

Обман какой-то.

Длинные люминесцентные лампы с характерным позвякиванием зажглись и нашему с алыгушками взору предстал полупустой утеплённый ангар с высокими потолками. Но вот беда: внутри не было ни одной машины.

У дальней стены выстроились в ряд кучки чего-то непонятного, накрытые брезентом, и по размеру эти кучки явно не дотягивали до автомобилей.

– Проверю? – спросила Шестакова.

– Конечно, проверь.

Шаманка широким шагом пересекла гараж, взялась за брезент ближайшей кучки, сорвала его и:

– О-хо-хо-хо! – аж запрыгала на месте. – Нихрена себе!

Ну да...

И впрямь нихрена себе. И впрямь приятно. Константин Оскарович, сам того не зная, оставил в наследство нам целый... эээ... снегоходопарк?

Короче говоря, под брезентом скрывались снегоходы. Новенькие и блестящие, даже близко муха не садилась. Аж целых десять штук. Не знаю, где буду всё это хранить, но что-нибудь придумаю, потому как продавать...

Не-не-не, не хочу я их продавать!

Не то чтобы я не мог позволить себе снегоход, но это как раз та самая приколюха, о которой я почему-то постоянно забывал. Ну а тем более десять. Да и сезон уже не за горами. А поле рядом с Удалёнкой – самое то, чтобы покататься на

такой вот приبلуде. Ветер в ушах, снег в харю, в нагрудном кармане фляга с коньяком, и весело тебе так, и хорошо, и вольно.

Я аж в красках себе всё это представил.

Загорелся, прям не потушить теперь.

– Алло, Кузьмич? – набрал я своего камердинера.

– Да, Василий Иванович. Искренне прошу прощения за своё неловкое молчание, но я так и не смог понять, что такое «антагонистическая люстра». Ходил, спрашивал по соседям, но они тоже не в курсе. Вам нужна какая-то особенная люстра?

– Нет, Кузьмич, мне нужен небольшой ангар, – ответил я. – В идеале на территории Удалёнки. Сгоняй-ка, если не занят, к председателю и уточни, свободен ли тот заброшенный коровник, в который мы хотели девок заселить.

Девки мой разговор невольно подслушивали и от этих слов начали как-то странно на меня коситься. Я им не рассказывал разве про коровник?

– Как скажете, Василий Иванович, – ответил Кузьмич. – Уже бегу.

– Ах да! И ещё. Прикинь несколько раскладов конвертации баллов в рубли и распиши мне свои мысли на этот счёт.

– Конечно, Василий Иванович.

– В идеале надо как-то так подгадать, чтобы и не слишком много было, но и не на мороженку. Представь, что бюджет предназначен сугубо для улучшения жилищного простран-

ства и придомового участка.

– Без проблем, Василий Иванович.

– Ну всё, Кузьмич, давай. Скоро дома будем...

Всё время поражаюсь, как быстро делаются дела, когда мне по-настоящему что-то припёрло.

Не прошло и получаса, как я уже проинформировал Гринёва о своих претензиях на снегоходы, вызвал грузовое такси, созвонился с председателем на предмет коровника и даже нашёл рабочих для того, чтобы этот самый коровник в божеский вид привели.

Всё!

С первым снегом будут у меня весёлые покатушки. Так что домой я ехал в прекрасном расположении духа.

Ну а пока надо нанести последние штрихи на...

– ...холст сегодняшнего дня, – метафорическое голосовое улетело Кузьмичу.

Барбухайка припарковалась у центрального входа в Институт Одарённых, а я на Харламе Давыдове рядом.

– Степан Викторович, – набрал я Державина. – Принимай подарочек.

Влюблённый снабженец в оранжевых кроссовках, о котором мы чуть не забыли в азарте битвы, до сих пор не отошёл от чар Дольче. Если бы мы знали, что это такое, но мы не

знаем, что это такое, вот пусть институтские и разбираются теперь.

Глядишь, открытие какое-нибудь интересное совершат.

Между прочим, Дольче по их ведомству проходит, вот и пускай созданную ей аномалию исследуют в специально отведённых для этого условиях.

Очень жаль, конечно, если Кеша останется таким повёрнутым до конца жизни, но, с другой стороны, работы у него всё равно больше нет, к жене он вроде как охладел, а под присмотром Гринёва тепло и уютно, и яблочко на полдник дают.

– Прошу, – передал я Кешу двум бугаям.

– Катенька?! – восторгнулся тот и начал упираться всеми конечностями. – Катенька, куда же ты?!

А жестокосердная Катенька в ответ лишь окно барбухайки подняла.

– Катенька, ну как же так?!

Всё.

Вот теперь на сегодня точно всё.

Завтрашний день объявляю выходным. Девкам отсыпаться, а мне на рыбалку и к баронессе. Поощрение барышням тоже обязательно будет – какое пока не придумал – но всё это завтра. Завтра, завтра, завтра.

Если бы я знал на тот момент, чем обернётся моя затея с конвертацией баллов...

Но, по счастью, видеть будущее мне было не дано, поэто-

му на душе растекались покой и благостью.

По шумным улочкам вечерней Москвы мы с группой «Альта» покатали домой, в тихую и спокойную Удалёнку...

Глава 4

Утро выдалось обычным. Обошлось безо всяких остро-сюжетных «и тут вдруг», «внезапно» или «в этот самый момент».

Не.

Не-не-не.

Всё сложилось ровно так, как я люблю. Ранний подъём, пробежка по Удалёнке, пока Кузьмич готовит завтрак, непосредственно сам завтрак, ну а дальше мозговой штурм на предмет того, чем же мне сегодня заняться.

– Чай вкусный, – отметил я, прихлёбывая из кружки. – Земляничкой отдаёт. И крыжовником ещё немного.

– Именно ими и отдаёт, Василий Иванович, – ответил камердинер, сидя напротив меня за кухонным столом. Вот только вместо кружки перед ним лежал бинокль.

– А откуда у нас такой? – спросил я насчёт чая. – Я вроде не привозил.

– Алексей Михалыч вчера заходил, занёс гостинец.

Это Лёха, значит. Кузьмич друида исключительно так величает.

Воспитание.

– М-м-м, – кивнул я. – Чего рассказывает?

– Да ничего особенного, – ответил Кузьмич и странно улыбнулся.

– А ты чего так странно улыбаешься?

– Готовлю вам сюрприз.

Так...

Стоп!

А хотя ладно, не стоп. Что-то я от общения с альтушками нервный какой-то стал, дёрганный, и подвох ищу повсюду. А Кузьмич-то не альтушка – ну если только где-то глубоко в душе. Кузьмич – дядька с головой, херни не натворит, да и влюблённые Иваны его точно не похитят.

Так что выпытывать не стану. Иначе сама концепция сюрприза обрушится, и магия ожидания чуда развеется напрочь.

– Ну готовь-готовь, – улыбнулся я и снова хлебнул Лёхиного чайку. – Глянешь, как там обстановка?

– Один момент, Василий Иванович.

Кузьмич сорвался с места, вместе с биноклем взлетел на второй этаж и уже через несколько секунд вернулся.

– Никаких изменений, – отчитался камердинер. – Шторы задёрнуты, бутылка козьего молока всё так же стоит на пороге. Барышни спят.

– Ну и пусть себе спят.

На самом деле, примерно такой реакции я от них и ожидал. Это ведь у нас чуть ли не залпом случилась дорожная разборка с Кочетковыми, закрытие трещины и заваруха с Ивановыми-Нобелями. Девки трижды – или четырежды? – выжали себя досуха как физически, так и магически и теперь просто обязаны проспать целые сутки.

Ну а я...

Я тем временем на денёк могу вернуться к своему обычному, безальтушечному существованию, полному всевозможных кайфов и маленьких житейских радостей.

И первым делом, само собой, надо бы сходить помедитировать.

– Бросай бинокль, Кузьмич, – сказал я камердинеру. – Ме-си прикормку...

Ну да!

Помедитировать...

Рыбалка, как на мой взгляд, должна быть либо медитативной, либо никакой. А чтобы быть медитативной, она просто обязана быть комфортной. Вот и получилось так, что на берегу безымянного озера неподалёку от Удалёнки я создал себе все необходимые условия для безмятежного лова.

Сколотил из бруса небольшую деревянную набережную с крытой беседкой и помост на несколько метров вглубь озера вывел. Мангал, стульчики, скамеечки, все дела. Вон даже, небольшой такой сарайчик, а ля сельский туалет стоит, это у меня там сапборды хранятся и лодка надувная. Чтобы с собой туда-сюда не таскать.

Не...

Понятное дело, что сперва возникли проблемы.

К превеликому моему сожалению, в Подмоскovie прибрежную зону не купить и не выслужить. Сколько-то там метров до воды – два, что ли? – присваивать никак нельзя. Не помню уже точно почему, но вот нельзя и всё тут. То ли зона общего пользования, то ли достояние народа Российской Империи, то ли с судоходством что-то связано, не суть...

Несмотря на все мои заслуги перед троном, личное знакомство с царём-батюшкой и титул «Столпа», никаких привилегий в этом вопросе нет. С одной стороны, приятно, конечно, что такая справедливость установлена, а с другой...

Ну и вот.

По первой, конечно же, повадились всякие прощелыги на мою делянку лазать. Мусор бросали, гадили всяко разное, слова нехорошие писали... сволоты, её же везде и завсегда хватает.

Я их раз поймал.

Второй поймал.

Третий поймал, гляжу, а сволота-то каждый раз разная попадает. Децентрализованная, короче говоря, сволота. И вот вообще никак друг с дружкой не связанная. То есть тут хоть калечь, хоть убивай, а не избавишься от неё, пока не переведутся на Руси все моральные уроды.

Спойлер: никогда.

Так вот. Тогда-то я и попросил Иринку, чтобы сверстала мне защитных артефактов. Простеньких, не боевых. Чтобы при подходе незваного гостя током подтряхивать начинало.

Ну а если намёка не поймёт, то и глушило на часик-полтора.
С тех пор проблем не было.

Что до соседей, то с ними у нас уговор. Их я без проблем порыбачить пускаю или на лодочке покататься – не чужие всё-таки люди – а вот приезжие место теперь обходят стороной.

И тихо тут так.

И так спокойно.

Кузьмич потому со мной и навязывается каждый раз. Я пока рыбачу, он на самом деле медитирует. Сидит в лотосе, мычит утробно и чакры свои не то, что раскрывает, а прямо-таки настежь распахивает.

– Ну да ладно.

Погнали.

Разложился я, стало быть, на помосте. Собрал фидер три и девять длинной, за полчаса промаркерился, нашел перспективную точку на свале чуть дальше ракушняка и заклипсовался на дистанцию. В кормушку набил заранее сваренной Кузьмичом салапинской каши. Штук двадцать на точку закинул, поставил поводок сантиметров семьдесят, пучок мотыля и одного опарика на крюкан насадил. Поплевал на удачу на наживку и с очередной кормушкой посла на точку.

Если что, это я сейчас по-русски.

Ирка по подростковому возрасту одно время профессиональной геймершей стать хотела, так вот я её тоже не понимал нихрена, когда она мне о своих увлечениях рассказыва-

ла. Однако всё равно кивал и всячески поддерживал!

Ну да не об этом сейчас.

Сейчас о рыбалке.

Не прошло и минуты, как леска натянулась. Бланк удилища в дугу, фрикцион на катушке трещит как сумасшедший.

– Кузьмич! – заорал я, сбивая связь моего камердинера со Вселенной. – Готовь подсадок! У меня там самосвал какой-то на крюке!

Драться с пьяным быдлом на кулаках и не прибегать при этом к помощи магии – это одно. С чего я должен давать им поблажки?

Это я так сам до уровня быдла опускаюсь, трачу своё драгоценное время, и непонятно, что кому хочу доказать.

А вот с рыбой побороться без волшбы – это вообще другое. Это и спорт, и интерес. Ведь... Ну... Технически, я могу на середину озера выплыть, оглушить всех и вся за раз и багром натаскать того, кого хочу.

Так что на рыбалке Василий Иванович Скуфидонский вообще не маг.

А потому вываживал я эту заразу минут десять, не меньше. И насчёт самосвала оказался абсолютно прав – рыба для наших широт вымахала с перебором огромная. Карп килограмм, не соврать, на двадцать. Кузьмичу с подсадком пришлось даже с помоста прыгивать на берег и вытаскивать её волоком, потому как на прямых руках он эту хренатовину поднять просто-напросто не смог.

– Хорошо, – улыбнулся я и набрал полную грудь свежего воздуха Удалёнки.

На небо набежали белые перистые облачка, над лесом кружила и истошно клекотала какая-то хищная птица, а где-то в кустах неподалёку происходила возня Кузьмича с карпом. Хотя... уже даже не возня. Уже настоящая потасовка; Кузьмич вовсю на кулачный бой перешёл.

Впервые за несколько дней мне было спокойно и хорошо. А впереди ведь ещё баня. И Анфиса. И я бы, по правде говоря, не прочь их совместить...

Как и полагается в приличном обществе, на порог к баронессе Юдиной я заявился с букетом ромашек, коробкой конфет и каменной эрекцией. Постучал в дверь. Встал в героическую позу. Как только замок начал проворачиваться крикнул:

– Ваше Благородие, к вам пожаловал Столп Империи!

Дверь открылась и тут:

– О! – я аж не смог скрыть удивление.

На пороге стояла Анфиса. Всё те же груди, всё та же милая хищная морщина, всё тот же воспетый афроамериканскими поэтами сочный зад. Эффектно утянутая в тонкое и короткое летнее платье с цветочным узором.

Вот только причёска у баронессы Юдиной была на ред-

кость пышная и... кудрявая.

Сотня, а то и две мелких частых кудряшек по всей голове.

Не могу сказать, чтобы ей не шло... и, скорее, даже наоборот. Однако, как на мой вкус, это было непривычно. Не припомню, чтобы у Анфисы вились волосы, хотя я её всякой успел повидать: и с укладкой, и без укладки, и насквозь мокрую, и со сваленным о простыни гнездом.

– Нравится? – поймала мой взгляд баронесса и кокетливо поправила волосы.

– Весьма, – я протянул букет и конфеты, а Анфиса их приняла.

А я-то не первый день живу и кой-чего знаю. Если я сейчас на внезапном преображении акцентирую внимание, да ещё и расхвалю как следует, то мне всё это в бане зачтётся. Зачтётся, и не раз!

А потому:

– Как так-то? – спросил я. – Что за чудеса? Не иначе волшебство?

– А вот так, – и вновь концентрированное кокетство. – Ездила в «Имперский Базар», купила себе специальную штучку для завивки...

– О! Так он наконец-то открылся?

– Уже неделю как открылся, Вась, – пожурила меня баронесса. – Ты новости вообще не читаешь?

В ответ я лишь учтиво промолчал и не стал рассказывать, что за последнюю неделю мне было, мягко говоря, не до по-

купок. Да и вообще... насчёт новостей могу спросить тоже самое! Мы с альтушками как минимум трижды должны были на первых полосах засветиться.

Ну а теперь к тому, что это за «Имперский Базар» такой.

Идея создать здоровенный торговый центр в мире пришла Его Величеству уже давно. Лет, кажется, десять тому назад. А загорелся он ей, как сейчас помню, после поездки в Милан.

И помню ещё, как Император смеялся, потрясал кулаками и орал о том, что всем по носу нащёлкает.

Ну вот и нащёлкал, по всей видимости.

Стройка действительно была глобальная. Впрочем, как и задумка. Величество хотел отгрохать несколько крытых гектар земли, так, чтобы это даже не ТЦ был, а настоящий город. Чтобы все мировые бренды под одной крышей собрать: и бутики, и рестораны, и торговые посольства, чтобы были для тех, кто занимается оптом и по серьёзке... и кинотеатр, и просто театр, и аквапарк, и зоопарк, и дендрарий, и дельфинарий, и чтобы всё это двадцать четыре на семь работало...

И гостиницы чтобы были с пропускной способностью в несколько тысяч человек.

Ну...

Чтобы умотавшемуся посетителю никуда не нужно было уезжать. Снял номерок, вздремнул, сколько потребуется, и айда дальше бабки тратить.

Ну и название Величество тоже сам придумал.

Базар...

Типа такой юморок от обратного. «Это у нас базар такой скромненький, хо-хо».

Так вот.

Строили это чудо света на юге Москвы целых семь лет и наконец-то достроили. Посмотреть, по правде говоря, очень хочется, уж так мне Величество им уши прожужжал. И! – тут меня прямо-таки осенило. – Заодно поездкой в «Имперский Базар» можно будет поощрить альтушек.

«У Алёшина» были, в уездном караоке были, ну а теперь и в свет выйдем.

Идея, как по мне, – огонь.

Ай да я! Ай да молодец!

Сегодня форсирую расчёты Кузьмича насчёт баллов, а завтра торжественно объявлю группе «Альта» о поездке. Или сегодня вечером, если проспят, наконец.

– Ваше Благородие, – я взял баронессу за ручку. – Мне даже как-то неловко просить вас испортить это великолепие на вашей чудной головке, но всё же не проследовать ли нам в баню? Помнится, вы очень любите эвкалиптовые масла и прочие сопутствующие удовольствия?

Вечерело.

Распаренная Анфиса в махровом халатике лежала на шез-

лонге возле дома и потягивала какую-то оранжевую бурду, которую я держал в доме исключительно для неё. Апрель? Аперерель? Что-то созвучное, короче говоря.

Эта хрень ещё напополам с игристым мешается.

Хорошее игристое я уважал. Как наше южное, так и французское.

Зачем его с чем-то смешивать не совсем понимаю, однако в эти дела не лезу. Нравится, пусть наслаждается.

Кузьмич в свою очередь варил в здоровенном казане уху.

Ясен хрен, что уха из одного лишь карпа вовсе не уха, а потому мы накидали в бульон всё, что только нашли в морозилке и холодильнике. Хвост сёмги, кости какой-то другой лососёвой рыбыны, остатки щуки с прошлой рыбалки. Я хотел было ещё брикет тунца закинуть, но Кузьмич настоял на том, что это, мол, кощунство.

Почему – без понятия, ну да и ладно.

Так вот.

Рыба, картошечка, лук, морковка, ну и обугленное полено на время варки для привкуса дымка. Запахи стояли на всю округу. И потому я ни разу не удивился, когда увидел шесть пар голодных глаз по ту сторону забора.

– Ну заходите! Чего вы там встали, как бедные родственники?!

Девки, по всей видимости, только-только проснулись, порыскали в своём холодильнике и впали в уныние. Тут-то голод и погнал альтушек к людям.

– Очень вкусно пахнет, – парламентёром сегодня выбрали Смерть, как самую няшную, с точки зрения выклянчивания еды. Даже самое чёрствое сердце ёкнет от желания её накормить. – Можно нам сегодня с вами поужинать?

– Ну, конечно, можно! – от такой милоты я чуть было не заржал. – Тащите из гаража садовый стол и стулья. Где что лежит, вы и так знаете. Кстати, позвольте представить, баронесса Юдина.

– Анфиса, – Её Благородие отсалютовала альтушкам бокалом.

– Какой у вас маникю-ю-юр! – восхищённо протянула Дольче. – А где делаете? А есть знакомый мастер поблизости? А это вот...

Короче говоря, Чертанова моментально определила в баронессе родственную душу и присела ей на уши. Признаться, что-то общее у них действительно есть... и нет, не только сиськи. Эдакая бабья дьявольщинка. Роковушность – или роковатость? – в хорошем смысле этого слова.

Ну а, может, сработала привычка Чертановой находить себе везде союзников. И ведь нашла, спустя несколько фраз они болтали уже как закадычные подружки.

Через полчаса стол был готов.

Воодушевившийся приёмом гостей Кузьмич в скором порядке наметал на стол закусок. Грибочки, сало, черемша, свежие овощи, ну и, конечно же, его фирменные огурцы. Затем камердинер по-хамски нарубал чёрного хлеба, расставил

перед всеми глубокие тарелки и водрузил на стол дымящийся казан.

– Водочки, Василий Иванович?

– Нет.

– А она ведь из морозилочки, – продолжил австрийский искустель, искусно пользуясь русские уменьшительно-ласкательные формы. – Аж потеет вся. Просит прямо-таки, мол, дерябни меня, Василий Иванович.

– Нет, сказал. Мне молодёжи пример надо показывать.

– Так мы и молодёжи плеснём по маленькой.

– Нет, говорю! Лучше морса принеси.

– Воля ваша, – сказал Кузьмич и подмигнул, мол, я вас понял, Василий Иванович, подождём, пока все уйдут.

Итак, все наконец-то уселись за стол, налили себе по полной миске горячей нажористой ухи и уже приготовились есть, но тут... тут на меня вдруг резко такая благодать снизошла, что я просто не мог ей сразу же не поделиться и не сделать кому-нибудь что-нибудь приятное.

А потому щедрым жестом я умножил расчёты Кузьмича на два и сказал:

– Группа «Альта», прошу внимания.

Все взгляды тут же обратились на меня.

– Мы с Вильгельмом Куртовичем долго думали над тем, как вас поощрить за то, как вы показали себя в последние дни, – девки заулыбались, переглядываясь. – Да, не обошлось без косяков, но в целом вы – молодцы. Горжусь. Итак!

Каждый заработанный вами балл..., а кстати, сколько их у вас?

– Сорок! – ни секунды не раздумывая крикнула Шестакова.

– Правда? Хм-м-м... Ну ладно. Каждый заработанный вами балл приравнивается к десяти тысячам имперских рублей.

Шама победно вскинула кулаки к небу, а остальные оживлённо зашептались.

– Тихо! – крикнул я. – Это ещё не всё! Так вот. На первый раз я решил не ограничивать вас в покупках и не принуждать выбирать что-то для дома. На первый раз вы свободны распорядиться деньгами так, как вам взбрёт в голову.

– Да-да-да-да-да, – захлопала в ладоши Дольче и подмигнула Анфисе. – Диктуйте телефончик мастера, я уже придумала, что хочу и...

– Да тихо же! – пришлось крикнуть снова. – Но и это тоже ещё не всё! Соберитесь с духом, девочки! Чтобы причинно-следственная связь между зарабатыванием баллов и превращением их в что-то полезное для жизни максимально надёжно зафиксировалась в ваших головушках, завтра мы всей толпой едем в «Имперский Базар»!

В глубине леса на старом, но ещё крепком пеньке сидел и

ерошил себе шевелюру Лёха Чего. Хоровод светлячков крутился вокруг его головы, отшатываясь в сторону при особенно резком последствии его умственной деятельности.

– Кабачки... – бормотал Лёха, – вроде Кузьмич просил кабачки? Или это были кабанчики? Вроде он – австрияк, они свинятину любят... сосиски всякие... о, может, кабаносси?!

Грустным взглядом Лёха уставился в темноту. Темнота мигнула ему в ответ круглыми жёлтыми глазами, и оттуда вылетела неясность, усевшаяся друиду на плечо.

– Не помню я, – пожаловался ей Лёха, – пообещал сюрприз, а сам забыл. А если переспрашивать, тогда какой это сюрприз? Вроде это были кабачки...

Глава 5

«Имперский Базар».

Какая же, всё-таки, махина...

Гигантский, громадный, титанический – это всё слова. А чтобы по-настоящему донести размах этой постройки, скажу вот что: по всей парковке тут и там были разбиты зоны с бесплатными электросамокатами и платными машинками наподобие гольфкаров, вот только с огромными такими телегами для покупок вместо багажника.

Персонал в приятной сине-серой форме – несмотря на название обошлось без клюквы и традиционных народных костюмов – “игрался в тетрис”, перегоняя всё это туда-сюда-обратно.

То есть смекаем.

В час пик припарковаться рядом с «Базаром» можно было так далеко, что ногами звиздюхать до входа минут пятнадцать-двадцать. Я сперва даже расстроился, но тут указатель проинформировал меня о наличии подземного паркинга.

Да, платного.

И, на мой взгляд, бесстыдно платного.

Но что же мне теперь? На самокате ехать, что ли? Мне сколько лет-то? Я же не завхоз Иннокентий в оранжевых кроссовках, в конце-то концов... хотя ладно, брюзжу. Приколюха интересная. Другой момент, что толпа визглявых

альтушек на самокатах будет неуправляема и... визглява.

И если есть возможность этого избежать, то стоит ей воспользоваться.

А потому джип с барбухайкой было решено оставить в каком-то под торговым центром. Залюбовавшись громадиной, я даже подумал кружок вокруг неё дать.

Не в смысле “круг почёта”, а чтобы разглядеть получше.

Архитекторы потрудились на славу. Базар вообще ни разу не походил на безликую бетонную коробку. Скорее уж он больше напоминал стеклянный футбольный стадион. Обтекаемый такой, интересный. А, судя по прожекторам и гирляндам ламп по всему фасаду, ночью эта хрень должна выглядеть просто потрясающе.

И даже жаль немного, что мы припёрлись утром.

Ну да ладно. Жизнь долгая, ещё полюбуемся. Особенно, если мои подопечные и дальше будут баллы зарабатывать столь же активно.

Машины встали на место, и мы по крытой подземной парковке проследовали к лифтам. И тут настало время задуматься об организации.

– Так, – в ожидании я достал бумажник и начал разглядывать карты.

Свою дебетку я девкам точно не отдам. Я так-то тоже шоппиться собрался и даже знаю, куда пойду в первую очередь.

А помимо её родимой у меня только куча кредиток из разных банков, которыми я никогда особо не пользовался и по-

тому даже приблизительно не знаю, какой там лимит. Вот только хорошая ли это идея, карты раздавать?

Наверное, нет.

Они ведь сейчас разбредутся, кто куда, и вместо четырёх-сот тысяч на всех каждая по отдельности меня на эту сумму выставит. Будут потом глазками хлопать, ойкать и руками разводить. И дело тут не в моей жадности, а в дисциплине и привязке баллов к выполненным заданиям. Да и вообще! Я пенсионер так-то! Должен быть рассудителен и бережлив. Хотя бы иногда.

Но решение, конечно же, нашлось. Простое, изысканное и нереально мудрое. Потому что зачем париться над тем, над чем можно не париться?

Банкомат пожужжал, потрещал и протянул мне тугую стопку налички.

– Вот, – я тут же протянул её альтушкам. – Делите, как хотите. Делайте, что хотите. Хоть конём тут это самое, ага. А я пошёл... Встретимся через два часа на фуд-корте.

Группа «Альта» полным составом стояла посреди одного из центральных пассажей, просторного, светлого и очень нарядного.

Из вездесущих динамиков звучала ненавязчивая музыка. Справа и слева к стеклянному куполу уходили ввысь

ряды балконов. Журчал декоративный фонтанчик, семейная пара с огромной гружёной тележкой ругалась о чём-то своём рядом с электронной картой «базара», а молчаливая стайка подростков оккупировала скамейки и проводила время, уткнувшись в телефоны и раздражая всех вокруг одним лишь своим присутствием.

ТЦ жил своей шебутной жизнью.

Ну а группа «Альта» вот уже пятнадцать минут не могла скоординировать план действий.

– Да дай уже сюда, – Фонвизина выхватила у подруг деньги, уверенным движением банкира поправила стопку и начала отсчитывать купюры. – Диван всем нужен? – спросила Её Сиятельство, не отрываясь от денег, и тут же утвердительно кивнула. – Всем нужен. А потому минус сто двадцать тысяч. На...

Почти треть налички перекочевала в руки Риты Смертиной.

– А почему я? – вылупила глаза некромантка.

– А почему я? – повторила резонный вопрос Фонвизина и продолжила перебирать купюры. – Туалетный столик всем нужен? Всем нужен...

– Только чтобы хороший! – крикнула Дольче. – Со светильником! А в идеале, чтобы зеркало круглое было с кольцевой подсветкой! И чтобы ящиков побольше! И ещё... И ещё...

Тут Сиятельство на секунду остановилась и подняла на

Чертанову недоверчивый взгляд.

– Сама куплю, – сказала она. – Минус пятьдесят, – и сунула деньги в карман джинсов. – Далее... Подарок Василию Ивановичу делать будем?

– Так договорились уже вроде, – кивнула Стеклова. – Только не решили, что.

– Ну вот ты сама и реши, – шустрые пальцы целительницы отсчитали ещё пятьдесят тысяч. – На, держи. И остаётся у нас... Остаётся у нас... По тридцать кусков на каждую.

– А почему так мало-то!?! – вознегодовала Шестакова, да притом так сильно, что вытатуированный у неё на плече тотемный заяц засветился и начать топать ногами.

– Так! – тут же рывкнула Фонвизина, пресекая зачатки восстания. – Кто-то хочет сидеть на полу и ненакрашенный!?

Общее пристыженное молчание быстро выявило, что никто не хочет для себя столь незавидной участи.

– Ну вот и решили!

Остаток денег был по-братски распилен, альтушки разбились по парам и разбрелись, кто куда...

– Ты меня слышишь вообще? – уточнил я на всякий случай.

Однако пузатый бледный мальчуган продолжил старательно класть хрен на мои запросы. «Мальчуган» – это пото-

му, что я реально не могу понять его возраст. С одинаковым успехом ему может быть как двадцать, так и сорок с гаком.

Но один хрен выглядит он не очень.

Морда осунувшаяся, серая футболка в обтяжку, на хлипкой шее болтается бейдж с ярко-жёлтой ленточкой, в глазах вселенская усталость... а ещё от него очень сильно пахло переработанным маслом. То ли чебуреки жрал, то ли беляши, а то ли ещё что-то из той же линейки лакомств.

Завтрак чемпиона, ага.

– Так, – я взял товарища за бейдж и прочитал имя, – Владислав.

Подумал ещё, а не пропеть ли мне следом: «Бейби, донт хёрт ми»? Однако решил, что этот зомби из магазина электроники мою изысканную остроту не поймёт и не оценит. Реально ведь зомби. В тех ребятах, которых поднимает Рита Смертина, жизни и задора куда больше, чем в нём.

– Владислав, – повторил я. – Слышишь меня?

– Слышу.

– Информацию усваиваешь?

– Усваиваю.

– Ну так вот усвой, пожалуйста. Диктофон, – поднажал я. – Не телефон. Не камера. И даже не часы. Мне нужен обычный кнопочный диктофон. Чтобы тык «Вкл» и тык «Выкл». Понимаешь меня?

– Понимаю, – кивнул доходяга. – Но каким бы я был консультантов, если бы не постарался выявить ваши глубинные

потребности и предложить более выгодные решения?

– Хорошим, Владик, – вздохнул я. – Ты был бы хорошим консультантом.

Но Владик пропустил мои слова мимо ушей, открыл очередную витрину и вытащил очередные смарт-часы. На сей раз жёлтые. Цыплячьего такого, жизнерадостного оттенка.

– Вот, – сказал консультант. – Посмотрите-ка. Полная синхронизация с вашим смартфоном, и потому вы можете задать любую кнопку как кнопку включения диктофона. А, помимо прочего, у них есть встроенный шагомер, счётчик калорий, компас, навигатор, солнечная батарея для автоматической подзарядки питания и опция быстрого набора контактов. Всё это чудо выполнено в противоударном корпусе, который плюс ко всему держит водозащиту до глубины в двести метров. Ну и потом! Посмотрите, какие они весёленькие! – зомби изобразил подобие улыбки и помахал часами.

– Двести метров? – уточнил я.

– Двести метров, – со знанием дела кивнул Владислав.

– А херли мне делать на глубине двести метров? Я чего там, по-твоему, забыл? Я чо тебе, камбала?

– Ситуации разные в жизни бывают, – пожал плечами консультант.

– Ага...

Тут я решил дать Владиславу последний шанс.

– Продашь диктофон? – спросил я.

– Да зачем он вам!? Вы только посмотрите на это техноло-

гическое чудо! Ну... ладно, если не хотите жёлтые, у нас есть и другие варианты расцветок, – консультант опять полез копошиться в витрине. – Вот красненькие, например. Или цвета хаки. Или вот, если вы предпочитаете консервативность в аксессуарах, обычные чёрные.

– Чёрные тоже двести метров выдерживают?

– А то!

– Ну, смотри тогда...

Ясен хрен, что я не стал высчитывать какое-то там определённое давление. Просто сжал часы силовыми полями так же, как вчера Костю Оскаровича. Хрусть, и высокотехнологическое чудо превратилось в прессованный комок чипов, микросхем и ошмётков противоударного корпуса.

– А... а, – начал ловить ртом воздух Владислав. – А как же? Как же так!?

С тем Владик вытащил из заднего кармана махонькую такую детскую рацию, судя по виду вообще не технологичную; с тем же успехом мог банку с верёвочкой мог использовать, и вызвал подмогу:

– Геннадий Сергеевич, у нас ЧП! Использование магии!

Ах, ну да...

Точно...

Это я, конечно, не очень мудро поступил. Использование любых магических техник на территории ТЦ запрещено. Ну... хотя бы с точки зрения пожарной безопасности. Но с другой-то стороны! Я, в общем-то, и без магии их раз-

давить способен. Если понадобится, могу продемонстрировать, как раз на тех жёлтеньких.

– Что у нас здесь?

Уже спустя минуту появился Геннадий Сергеевич – мужик с точно такой же рацией, в точно такой же футболке и с точно таким же бейджем. Однако на бейдже было написано гордое «Директор Филиала», да и футболка на нём сидела получше. Остаточные следы некогда спортивного тела проглядывались невооружённым взглядом.

Лет, наверное, пятьдесят ему.

– Я попросил вашего сотрудника продать мне диктофон, – объяснился я, всем своим видом излучая спокойствие и доброжелательность. – Но Владик не внял и целые полчаса пытался продать мне умные часы. Часы, получается, умные, а Владик не очень.

Тут я заметил, что Геннадий Сергеевич особо сильно не переживает не из-за поломанных часов, не из-за применения магии, не из-за своего тупорылого пузатого подчинённого. Вместо этого он смотрит на мою футболку и как-то уж больно хитро улыбается.

– Что? – уточнил я и осмотрел сам себя.

Может, ляпнул чем?

Или порвал случайно?

Да вроде бы нет. Обычная чёрная футболка с концерта. Спереди лаконичный логотип группы «Асцепт» и дата, а сзади список треков. Точно помню, как ухватил её в сувенир-

ной лавке прямо перед началом действия. Прусские металюги тогда ещё не распались на солиста с другими музыкантами и музыкантов с другим солистом и всю гастролировали по шару.

А то, что выглядит она как новенькая, так это потому, что я её особо не затаскивал.

– Владик, иди, – сказал Геннадий Сергеевич.

А Владик только и рад был с разбегу занырнуть обратно в свою зону комфорта с недосыпом и масляными чебуреками, исчез так быстро, что после него чуть было муляжное облачко пыли не осталось.

– А вы там были? – уточнил Геннадий Сергеевич, явно подразумевая концерт.

Хотя какой же он мне теперь Геннадий Сергеевич? Генка он для меня теперь, походу. Братишечка мой, братюнечка.

– Был, – кивнул я и тепло улыбнулся.

– Я тоже, – от воспоминаний Генка аж фантомными волосами тряхнул, по всей видимости, некогда длинными, а теперь стриженными под полубокс и местами с проседью. – Хороший концерт выдался.

Затем Геннадий Сергеевич на ломанном английском напел:

– Ит из найтин найти найн! – но быстро взял себя в руки. – За испорченные часы придётся заплатить.

– Само собой.

– Но я сделаю вам хорошую скидку.

– Само собой.

– Так что вам, говорите, было нужно? Диктофон?

– Да, – кивнул я. – С двумя кнопками.

– Вкл и Выкл?

– Именно так.

– Рекомендую ещё “паузу”, – сказал Геннадий Сергеевич, – тогда запись идёт плавнее. Без рывков.

– Разумно, – согласился я.

Потому как, действительно, разумно.

– Пойдёмте за мной...

И спустя уже две минуты я вышел из магазина электроники. Довольный, весь такой немного ностальжи и с распакованным диктофоном в руках.

Тыкнул на кнопку записи и хотел было что-то умное ляпнуть, но нужные мысли куда-то резко пропали. Потом, стало быть, по случаю использую. Когда муза посетит. Ну а пока что я решил проверить телефон, судя по вибрациям, за время общения с Владиславом сообщений мне нападало прилично.

Скорее всего, альтушки спамят в общий чат фотографиями из примерочных.

– Так, – я разблокировал экран и сразу же выругался.

Нет, заспамлен был не чат.

Почти каждая из кадетов группа «Альта» отправила мне минимум по три сообщения, и смысл каждого сводился к нехитрому: «Василий Иванович, помоги!»

– Лучший подарок – это книга, – со знанием дела заявила Юля Ромашкина, прогуливаясь вдоль рядов.

Стеклова в ответ вздохнула.

– Предлагаешь на пятьдесят кусков ему книг набрать?

– Ну-у-у-у, – протянула Юля. – Тогда щенок породистый. Или котёнок.

– Ромашкина, соберись! И давай думать лучше. Итак, что мы знаем о Скуфидонском?

– А что мы знаем о Скуфидонском? – на автомате переспросила Ромашкина, сняв с вешалки пальто и рассматривая бирку. – Хлопок и конопля. Унисекс.

– Не-не-не, – тут же замотала головой Стеклова, отобрала пальто и повесила обратно. – Унисекс отставить. Унисекс – это точно мимо. У Василий Ивановича секс вполне себе определённый...

Искать подарок руководителю было решено в отделе мужской одежды. Потому как сувенирная безделушка, она и есть сувенирная безделушка, ей только пыль собирать. Можно было бы подарить что-то из электроники – умные часы, например – да только Стеклова и Ромашкина не были ещё столь близки к Скуфу, чтобы знать о том, что у него есть, чего нет, и что хочется.

А одежда, она и есть одежда. Что-то хорошее и брендо-

вое...

– ...или специализированное, – Стеклова защёлкала пальцами. – Ну точно же! Снегоходы!

– Что «снегоходы»?

– Снегоходы у него есть, а костюма специального нет, не успел ещё. Так что погнали в спортивный отдел, посмотрим хороший комбез со шлемом и термобельё. Выберем что-нибудь побрутальней, и чтобы с принтами...

– Пламя там какое-нибудь, – включилась в мозговой штурм Ромашка. – Или черепа. Он футболки постоянно такие таскает.

– Точно!

И тут:

– Бу! – сквозь стойку с пальто в пролёт выскочил молодой человек слащавой наружности.

Полуприкрытые веки, наглая ухмылка, отбеленные аж до блеска зубы и волосы... настолько надёжно зафиксированные лаком, что могли бы потягаться в противоударности с умными часами незабвенного консультанта Владислава. Длина и цвет невнятны и непонятны, но вся эта волосатая инсталляция до боли напоминала петушиный гребень.

– Милые барышни, – склонился в поклоне юноша.

Юноша не представился, а потому для удобства Стеклова одарила его кличкой Петух.

Тут же сзади и спереди появились ещё двое парней. Один – высокий доходяга в розовом худи, а второй жиробасина в

заниженных рваных джинсах. «Петух, – повторила про себя Стеклова. – Худи и Копилка».

– Вам чего? – уточнила Стеклова и нахмурилась.

– Какая хму-у-урая фитоняша, – игриво протянул Петух, а затем оценивающим взглядом прошёлся по Ромахе, которая в лучшем случае была выше него на голову. – И ты тоже ничего. Миленькая. Ну так и что же две такие соблазнительные девчули забыли в отделе с мужскими вещами?

– Тебе какая нахер разница?

– Оу! – Петух заржал и обернулся на Копилку. – У кошечки есть коготки!

– Идите, куда шли, ребят, – сказал Стеклова и собралась было просто уйти, но тут её очень грубо остановили.

Рукой.

За плечо.

Спецназерские навыки на уровне инстинктов уже разложили всё по полочкам: за что схватить, куда повернуть и с какой силой надавить. Татьяна Витальевна Стеклова и безо всякой магии была способна справиться с этими недомерками. Боялась она лишь не рассчитать силы.

– Руку убрал, – рявкнула Татьяна.

– Боюсь-боюсь! – Петух наигранно отдёрнул руку. – Итак, девушки, вы нашли то, что искали.

– То есть?

– То и есть! Вы же неспроста бродите по мужскому отделу, верно? Провинциальные сучки с жадой до денег и нестер-

пимым зудом в промежности ищут себе папиков...

Петух начал расхаживать взад-вперёд, манерно жестикулируя руками.

— ...виляют задницами, чтобы примелькаться, но при этом строят из себя невинность. Хватит, девочки. Мы видим вас насквозь.

— Ага-ага, — поддакнул Копилка.

— Так, давайте пропустим все эти игры и сразу же перейдём к главному, — тут Петух обвёл жестом своих друзей. — Мы вполне себе состоятельные ребята из приличных родов. Ну а тем более мы гораздо моложе и приятней на ощупь, чем те, кто обычно на вас потеет.

— Гы-гы-гы, — это Худи впервые подал голос.

— Ну так что? Начнём торги? По тысяче за отсос достаточно?

И быть бы ему битым и обеззубленным в ту же самую секунду, если бы не Ромашкина.

— Юля!? — забыв обо всех Петухах на свете, крикнула Таня Стеклова. — Юля, терпи! Юля, держись, слышишь меня!?

Стиснув зубы и сжав кулаки, Ромашка кое-как сдерживала своего внутреннего зверя. Это было понятно хотя бы по ауре, которая вне зависимости от желания стала исходить от взбешённой альтушки.

«Убьёт! — в ужасе подумала Таня. — Растерзает, как Тузик грелку! И опять мы влипнем в какую-нибудь кровную вражду!»

– О! – ухмыльнулся Петух. – Да сучки ещё и одарённые! Во дела...

– Юля, держись! – одной рукой Стеклова начала гладить подругу по голове в нелепой попытке успокоить, а второй уже написывала сообщение Василию Ивановичу...

«Ромашка сейчас обратится!» – из всех сообщений именно это я счёл самым срочным.

Не будь душой, кадет Стекловата скинула мне геоточку со своим местоположением. И это хорошо. Но геоточка, она как бы на плоскости лежит, а «Базар», мать его так, шестиэтажный. И вот это уже плохо.

Но...

Повезло.

Со второго раза, правда, но всё равно без удачи, как мне кажется, не обошлось. Так что сперва я нашугал бедолагу-индуса, который торговал чаями и вонючими палочками на первом этаже и к которому я ворвался, выкрикивая:

– Ромашка! – и ещё более странное: – Стекловата!

Но со второго раза и на втором этаже я таки альтушек нашёл.

Чтобы разобраться в ситуации, стоило лишь мельком на неё взглянуть. Трое каких-то молодых уродов довели моих девок до белого каления. Ромаха сидела на корточках, часто

дышала и смотрела в одну точку в тщетных попытках успокоиться, а Стеклова шептала ей что-то ободряющее.

Уроды при этом стояли рядом и шутили смешные шутки.

– Молодец, – бросил я Танюхе. – Всё правильно сделала.

– Дядя, вали отсюда... – заметили меня уроды.

Ну, право слово. Банальщина, как она есть. Он бы ещё что-нибудь про песок ляпнул или про то, что мне лучше не начинать слишком толстую книжку.

Короче...

Разговаривать я со звиздюками не стал. Одному скрутил руку, второго, высокого, взял за ухо и повёл на выход. Третий и самый толстожопый сам посеменил за нами следом.

– Да ты хоть понимаешь, с кем ты связался!?

– Дай угадаю. Ты из баронского рода.

– Графского.

– Ах, даже графского, – кивнул я, шуруя вдоль примерочных. – Ну и ты, наверное, жестоко отомстишь мне за дерзость.

– Да я бы тебе прямо сейчас навалил! Ай! – это я чуть посильней заломил уроду руку. – Повезло тебе, что магией нельзя пользоваться!

Ну... тут я только поржать мог.

– Ага-ага, – сказал я. – Поэтому ты сейчас соберёшь своих парней и будешь ждать меня у входа. Правильно?

– Правильно-о-оа-аааа-аай!

Первым пинком я отправил в полёт высокого, вторым го-

ворливого. Толстожопый хотел было улизнуть, но после того, как я хорошенечко рявкнул, сам быстренько подставил свой пердильник под удар. И в качестве поощрения получил не пыром со всей дури, а так, легонечко.

– Свободны, – опустил я мерзкую поросль.

– Тебе конец! – крикнул говорливый, поднимаясь с пола и отряхиваясь.

– Буду ходить и оглядываться, – кивнул я, достал телефон и начал листать сообщения от других альтушек.

Итак...

Куда же мне бежать в первую очередь? К Дольче или Фонвизиной? К Фонвизиной или Дольче?

– Хоро-о-о-оший, – протянула Дольче, звездой растянувшись на разложенном диване.

– Покрытие «антикоготь», чтобы ваши домашние питомцы случайно ничего не испортили, – улыбнулась девушка-консультант в белой блузке и с тугой дулей волос.

– «Антикоготь», – повторила за ней Чертанова. – Как будто название какого-то боевика.

– Действительно, – хохотнула консультант, в должностные обязанности которой входило хохотать в правильных местах. – На металлокаркас идёт гарантия пять лет, на все крепежи и механизмы два. Но за дополнительную плату га-

рантию можно продлить до...

– Мне кажется, маленький, – перебила её Смерть.

– Ну так давайте выберем побольше. Пойдёмте, я покажу.

Чертанова тут же спрыгнула с одного дивана и запрыгнула на следующий. Красный, здоровенный, почти четыре метра в длину и нереально мягкий даже на вид. Технически на таком могли бы одновременно расположиться сразу все шесть альтушек, и при этом личного пространства хватало бы каждой.

– Уу-у-у-уу! – протянула Чертанова. – Всё! Я влюбилась! Берём вот этот!

– Тоже «антикоготь», тоже металлокаркас, такая же гарантия, но ещё и ортопедические матрасы в выдвижной части.

– М-м-м-м, – протянула Смерть. – А есть такой же, вот только синий?

– С перламутровыми пуговицами, блин... Рита! – крикнула кадет Дольче. – Да что тебе всё время не нравится-то!?

– Нравится, – тут же встала в защиту Смерть. – Очень нравится. Но красный диван – это как-то пошло. Да и не вписывается он совершенно в комнату. Сама вспомни. Получится колхоз...

– Есть, – ответила консультант, потыкав в планшет. – Точно такой же синий диван есть на складе в Мытищах. Доставка займёт от недели.

– Ри-и-и-и-ит, – Дольче уставилась на подругу умоляющим взглядом. – Давай этот возьмём?

– К сожалению, доставка этого тоже займёт не меньше недели. Груз крупногабаритный, а у нас сейчас все рейсы расписаны от и до.

– Ну ладно, – кивнула Чертанова и слезла с дивана. – Пусть будет синий и из Мытищ. У меня один из бывших точь-в-точь под эти характеристики подходит. Идите, оформляйте, а мне нужно ненадолго отлучиться.

Отстоявшая свою точку зрения и потому нереально довольная Смерть пошуровала вместе с консультантом к кассам, а Дольче вышла из магазина и по указателям двинулась в сторону туалета.

– «Закрыто», – прочитала она, но на всякий случай всё равно подёргала ручку. – Вот, блин...

– Девушка! – тут же раздалось за спиной.

Добродушного вида дедулечка в круглых очках и сером комбинезоне выглядывал из двери технического помещения с надписью: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН».

– Девушка, давайте я провожу вас в персональский, – предложил дедуля.

– Да что вы, – Дольче махнула рукой. – Бросьте.

– Да никаких проблем, что вы? Он тут, в двух шагах. А до следующего работающего вам ещё идти и идти.

Вся эта ситуация представлялась Дольче крайне сомнительной, но дед был из той породы дедов, что буквально излучают тёплую такую, домашнюю доброту. И на конкурсе добрых домашних дедов конкретно этот взял бы гран-при

буквально во всех номинациях. «Самые добрые морщинки вокруг глаз» и «Самый уютный старческий голос» так точно.

– Никаких проблем нет, – повторил он. – Давайте, проходите за мной.

– Ну... Ну ладно, – сказала Дольче и прошмыгнула в подсобное помещение.

Весь сплошь в проводах и кабелях, технический коридор вильнул раз, потом второй, потом третий... и тут.

– Раздевайся, – услышала Дольче позади.

В одной руке у деда был нож, а второй он уже вовсю масировал срамные места. Доброту как ветром сдуло, и в глазах под круглыми очками искрилось безумие.

– Раздевайся, – повторил дед.

– С ума сошёл, что ли?

– Это ты с ума сошла! Лазаешь, где нельзя! Наверняка, своровала что-то! Вот я и проверю сейчас твои вещички! Раздевайся, говорю!

В туалет резко перехотелось. Вместо этого у Дольче разыгралась другая нужда – нужда до справедливости.

– Ах ты, грёбанный старый ублюдок, – прошептала она, наскоро прикинув, что она далеко не первая жертва винтажного извращения.

Затем кадет Чертанова перенесла центр тяжести куда нужно, хорошенечко прицелилась и с чувством пробила деду в пах.

– Ай-ый! – нож с металлическим позвякиванием упал на

землю, дед согнулся и вроде как уже собрался бежать, но:
– СТОЯТЬ! – рявкнула Дольче, щедро влив в голос свой
новоприобретённый дар.

– А!? – удивился дед, когда руки-ноги перестали слушаться. – Что происходит!? Что это такое!? Я буду жаловаться!

«Василий Иванович, – начала печатать сообщение Дольче. – Я задержала опасного маньяка. К сообщению прикрепляю...»

«...геоточку».

Всё-таки девки у меня технически подкованные, но туповатенькие.

Хорошо ещё, что ситуация Дольче была не такая экстренная, и мы смогли созвониться. Третий этаж, сектор такой-то. До места добрался уже спустя пять минут.

По дороге уже вызвал отряд полиции. И вот так диво, в «Имперском Базаре» работает многофункциональное отделение с собственным обезьянником, вытрезвителем, пунктом оказания первой помощи и местом для регистрации браков. Интересно, бывал ли здесь уже покупатель, которому в один день понадобилось всё вышеперечисленное?

Зная своих соотечественников, уверен, что да.

– Большое спасибо за помощь в поимке, – полицейский пожал Дольче руку. – Вы нам очень помогли. Кхм... Кстати,

а что с ним такое стало?

– В спину, наверное, вступило, – вмешался я. – Вы посмотрите сами. Дедушка-то уже не новый.

– Нееет! – заорал извращуга. – Она – ведьма! Ведьма! Она сказала встать, и я встал! Этот голос! Страшный голос!

– Ещё и головой болеет.

– Н-да, – полицейский поправил фуражку и теперь пожал руку мне. – Ещё раз благодарю.

С тем он вместе с напарником взяли окоченевшего деду-извращенца под руки и понесли бочком на выход. Напарник его при этом почему-то был бледным, как мел, и при этом не сводил глаз с Дольче. Влюбился, что ли?

– Ведьма! Ведьма! Страшный голос! – крики извращенца утихли где-то вдали, а я снова взялся за телефон.

Итак... последнее – во всяком случае, я очень на это надеюсь – дело на сегодня таково: вытащить Шаму и Фонвизину из магазина косметики. Их почему-то задержали по подозрению в краже и держат в подсобке.

Не уверен, что такие методы вообще легальны. Ну да ничего, разберёмся...

В крохотной подсобке, предназначенной для обеда персонала, сейчас было как никогда жарко.

– Моё имя Ольга Сергеевна Фонвизина! – в который раз

топнула ногой рыжая целительница. – В моих жилах течёт кровь древнерусских князей! Да как вы вообще смее обвинять в воровстве меня!?

Шестакова тем временем отнеслась к ситуации гораздо легче. Она забралась с ногами на стул, взяла со стола кусочек хлеба и самозабвенно лепила шахматного коня, мурлыча себе под нос что-то на мотив “по диким степям Забайкалья...”.

– Девушка, хватит орать! – в который раз крикнул в ответ охранник.

Такой же рыжий, как и сама княгиня, вот только крупнее неё раза в три, да ещё более волосатый. Жёсткой кучерявой шевелюрой на его руках можно было снимать ржавчину с металла не хуже, чем пескоструем.

– Вы продолжите отрицать очевидные вещи!? Духи! – охранник взял со стола и потряс флаконом. – Духи у вас в сумке откуда оказались!? Сами запрыгнули!?

Сперва Фонвизина подумала, что это подруга с криминальным прошлым могла подкинуть ей в сумку этот чёртов злополучный флакон, но уже успела устыдиться этой мысли. И сейчас у неё не было ни единого сомнения в том, что их просто-напросто подставили.

– Ах ты, грёбанный урод!

– Ай-ай-ай, – покачал головой рыжий. – Кровь древнерусских князей, а как выражается... Зачем же так нервничать? Сейчас акт составим, вам по первому разу и по молодости административочку впаяют... А мне премию, – он ухмыль-

нулся, – за бдительность. Так что не тупите, быстрее признайтесь, быстрее окажетесь дома.

– Так! – внезапно в подсобку ввалился ещё один человек.

На руке у него висела и истошно верещала молоденькая продавец-консультант.

– Я пыталась его не пустить! – в основном верещала она. – Пыталась!

– Скуфидонский, моя фамилия! – представился мужчина и поставил девушку на пол. – Василий Иванович! Эти девушки находятся на моём попечении! В чём у вас тут дело!?

– Воруют, – развёл руками охранник. – Плохо следите.

– Камеры в магазине есть!?

– Камеры в магазине есть, – кивнул рыжий. – Вот только из-за скачка напряжения прошлые полчаса не записались.

– Ну, конечно же, не записались, – кивнул Скуф. – Компьютер где?

– Это не ваше...

– Компьютер где!? – повторил Василий Иванович и взглядом нашарил в углу старенький ноутбук. – Туда камеры пишут?

– Камеры пишут туда, но это...

– С дороги!

– Эй!

– Поди нахер с дороги, говорю!

Не больно, но очень-очень обидно этот незванный хам оттолкнул охранника в сторону и добрался до ноутбука.

Охранник в свою очередь уже, было дело, схватился за дубинку, но тут вдруг резко передумал.

– Да пожалуйста, – сказал он. – Проверяйте, что хотите.

А Скуф тем временем уже разобрался с системой видеонаблюдения и нашёл папку, в которой хранились последние записи. И действительно, последние полчаса времени как будто бы бесследно испарились.

Тогда он достал телефон и начал кому-то звонить.

– Алло, Ирин, – сказал он в трубку. – Привет. А можно ещё раз Тамерлана попользовать? Ага. Ага. Ну вот и чудно, что вы кофе пьёте. Так вот. Скажи, а я могу самостоятельно «халяву» распылять? Ага. Ага. Да удалил кой-чего случайно, надо бы восстановить срочно. Ага. Ага. Понял, спасибо.

С тем Василий Иванович сбросил звонок, быстренько распаковал сброшенный сестрой файл, наладил раздачу и подключил рабочий компьютер рыжего охранника к сети «халява».

– Эй! – крикнул тот, подглядывая за всеми этими манипуляциями через плечо. – Эй, что вы делаете!?

А в папке тем временем сами собой начали появляться удалённые файлы.

– Ну что, смотреть будем? – уточнил Скуф у рыжего. – Или тебе сразу лицо ломать?

– Я не... Я не... Я не...

– Понятно, – вздохнул Василий Иванович и снова набрал сестре. – Ирин, а теперь отключите камеры по-настоящему,

ладно? Неее-е-е-е, мне пары минут хватит.

– Что вы... Что вы, – продолжал блять охранник. – Что вы собираетесь делать!?

– Сейчас узнаешь. Ваше Сиятельство, как оскорблённой стороне предлагаю вам нанести первый удар самостоятельно.

– С удовольствием, Василий Иванович.

– Шама?

– Э-э-э, – махнула рукой Шестакова. – Я лучше конягу долеплю...

Будто памятник человеческой глупости, полицейские поставили обездвиженного дедушку-девианта прямо посередь камеры предварительного заключения.

– Ну, – один из них похлопал извращугу по плечу. – Отдыхай.

А вот второй не сказал ничего. Как зовут первого – плевать и неинтересно, вряд ли ему когда-либо ещё раз предстоит засветиться в этой истории. А вот второй... второго звали Тихоном. Бледный и задумчивый, он, кажется, вообще не реагировал ни на какие внешние раздражители.

– Да что с тобой такое?

– Ничего, – ответил Тихон коллеге и зачем-то повторил: – Ничего.

– Выглядишь хреново.

– Нет-нет, всё нормально. Съел, должно быть, что-то.

– Чебуреки! – щёлкнул пальцами первый. – Сто пудово они! самого что-то крутит...

– Ты иди, – сказал ему Тихон. – А я допрошу.

Сперва его напарник замер с гримасой нихрена-не-понимания на лице, а затем вдруг дошёл до каких-то одному ему известных выводов и улыбнулся.

– Понимаю, – сказал он. – У самого руки чешутся насильника погладить. Допроси. Только это... допрашивай не слишком сильно, ладно? Не хватало потом ещё побои снимать.

– Да-да, – кивнул Тихон. – Ладно.

Напарник ушёл, а дедушка-извращенец аж взвыл от отчаяния и предвкушения того, что вот-вот должно было произойти.

– Я – старый человек, – уже окончательно разревелся он. – У меня слабые кости. Прошу вас, не надо...

Но Тихон даже не собирался.

– Голос, – задумчиво произнёс он. – Там, когда мы тебя задержали, ты сказал: «Голос».

– Д-д-д-да, – ответил дед.

– Что за голос?

– Страшный такой! Такой... Такой...

...но Тихон уже и так понял какой. Он понял это ещё там, в коридорах подсобных помещений. Он увидел этот адский огонёк в глазах черноволосой девушки. И его медальон на шее, перевёрнутая пятиконечная звезда, ни с того ни с сего

начал нагреваться. Еле-еле, но всё равно ощутимо.

Так что да...

– Демонический? – подсказал Тихон извращенцу.

– Да! – взорвался тот. – Вот прямо да! Как с языка сняли!

Говорю же вам, она – ведьма! Ведьма!

«Не ведьма», – ухмыльнулся про себя Тихон.

И тут же мысли его понеслись в другом, более эпическом и судьбоносном русле. «Я первым узрел явление Его, – подумал про себя Тихон. – Получается, Он сам выбрал меня в качестве мессии, что предупредит весь мир о пришествии Его. И получается, что я... Избранный?»

То, что в данном случае речь шла не про “Него”, а про “Неё”, Тихона несколько не волновало.

Глава 6

А я ведь думал, что первой аудиозаписью в моём диктофоне будет нечто мудрое. Вечное нечто. Фундаментальное.

А по итогу вот:

– Дорогие любители природы, сегодня мы с вами сможем пронаблюдать альтушек в естественной среде их обитания, – записал я, чуть подумал, прожав «паузу», и добавил: – Кажется, сейчас они собираются питаться. Посмотрите, как у самочки с розовым хохолком раздулись щёки... как цепко она держит в лапках пищу... как оглядывается, опасаясь, то кто-то может отобрать её лакомство...

– Ну Василий Иванович, – пронила Шама со ртом, набитым мраморной коровой. – Ну вкусно же...

Вкусно.

Факт.

Не всё и не везде, но фудкорт на «Имперском Базаре» это вообще отдельная песня. Сам по себе Торговый Центр настолько здоровый, что сгруппировать весь общепит на одном пятачке – идея провальная. А потому он был выполнен в качестве центральной галереи шестого, – самого верхнего, – этажа и тянулся через весь «Базар».

Кофейни, кондитерские, пиццерии, сушильни, хинкальные, блинные, супные, кашные, лапшичные, шаурмянные, шашлычные, устричные, крабоварни, стейк-хаусы, обычные

столовые и тематические кафе. Откровенный фастфуд здесь соседствовал гастробарами и дорогими ресторанами, в которых подают сет из двадцати плюс блюд размером с гулькин лингам.

А что самое примечательное, – и замечательное, – что каждое заведение, даже несмотря на наличие столов внутри, было обязано содержать свой островок по центру галереи. И не какую-нибудь хренотню из пластмассы, на которую и сесть-то страшно...

Не-не-не.

Настоящие посадочные места. Такие, которые случайно не снесёшь неловким движением бедра. Мягонькие для за-да, удобные для всего остального тела, и с полноценным набором соль-перец-салфетка-зубочистка на столе.

То есть, даже если ты решил убить свой желудок картохой фри без ничего более, всё равно будешь сидеть в комфорте. К идее равенства и братства я отношусь весьма настороженно, – и это неспроста, – но если мне не нужно оплачивать её из собственного кармана, то-о-о-о... почему бы и нет?

– А вот и мы, – сказала измученная Стеклова, присаживаясь за стол.

Она на свою голову вызвалась поискать вместе с Ромашкой вегетарианский ресторан и потому подоспела к обеду последней.

Ещё и с подносом явно остывшей еды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.